

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

600

Л.с.р. 1253(2)

1

Я Н В А Р Ъ

1 9 2 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ. — Борьба за культуру	3
Як. РУБИНШТЕЙН. — «Трагедия расточительства»	7
П. ЛЕПЕШИНСКИЙ. — Как училась старая гвардия	18
Вл. КУЗЬМИН. — Источники бюрократизма в комсомоле	29
Д. РОЗЕНКО. — На новых началах	41
А. АЦАРКИН. — Кино и комсомол	47

Ф е л ь е т о н

П. ГУЧУЕВ. — Типы комсомольцев	52
--	----

Критика и библиография

Конст. ГРЕБНЕВ. — И. Лупнол. Лени и философия	59
ИЩОЛИТ. — В. Дмитриев и Б. Галин. «На путях к новому быту»	61
Н. НАСОНОВ. — «Jonang men's Christian Association and future of China»	62

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

Я Н В А Р Ь

№ 1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1927

Ар-р. 1253(2)

Отпечатано в типогра-
фии „Э М Е С“ Москва,
Покровка, 9. Тел. 2-72-14
Главлит [REDACTED] Тир. 4.500
78.742

Борьба за культуру

На наших глазах развивается грандиозное культурное движение. Сотни тысяч взрослых пролетариев и, в особенности, значительные кадры молодежи вклиниваются в науку, стремятся овладеть знанием, овладевают культурным наследством буржуазии и упорно работают над созданием своей собственной, пролетарской культуры.

Совершенно не случайно сейчас, на десятом году Октябрьской революции, движение за культурность, за грамотность приняло столь широкий размах. В рамках капиталистического строя пролетариат не может в более или менее широком масштабе овладеть культурой. Будучи при господстве капитализма эксплуатируемым классом, пролетариат не может в достаточной степени пользоваться образованием, монополия на которое находится в руках буржуазии.

Правда, еще до захвата власти рабочий класс создает ростки своей культуры. Но только ростки. Создать свою пролетарскую культуру или даже овладеть и критически переработать культуру буржуазии рабочий класс до захвата власти не может.

«Крепостническая поговорка «всяк сверчок знай свой шесток» сохраняет свою силу и для буржуазного общества, которое воспроизводит не только материальные ценности, но и отношения между буржуазией и пролетариатом. И если чисто *экономическая* сторона этого процесса заключается в капиталистическом распределении доходов, то *культурная* сторона этого дела заключается в различии *образования*. Монополия на средства производства в точности соответствует *монополии образования*, которая играет колоссальнейшую роль, еще недостаточно оцененную в нашем сознании.

Процесс образования есть одна из существеннейших (самая существенная, если брать специфическую сторону дела) составных частей процесса производства квалифицированных «живых машин». А в капиталистическом обществе подрастающее поколение разных классов поступает и обрабатывается в *разных* школьных лабораториях: божие—богови, кесарево—кесареви. А мытарю получает то, что полагается мытарю. Командующие классы отдадут своих детей в высшую и среднюю школу, пролетариату она недоступна настолько же, насколько ему недоступна монополия на

средства производства или присвоение прибавочной стоимости» (Бухарин — «Борьба за кадры»).

Захватив власть, пролетариат становится классом господствующим, владеющим государственным аппаратом и, следовательно, орудиями образования. Тем самым рабочему классу открывается широкий доступ к знаниям, к культуре в самом широком смысле этого слова.

И, однако, первые годы после захвата власти пролетариат не может в достаточной степени посвятить себя этому важнейшему делу. Защита пролетарского государства от внутренней контр-революции и интервенции поглощает все силы пролетариата в первые годы после революции. И точно так же, как в производственной жизни в этот период происходит распад (хотя пролетариат и берет власть для организации более высокого типа производства), так происходит распад и в области культуры, гибнут многие культурные ценности (хотя пролетариат и создает более высокую по типу, чем буржуазная, культуру).

Но так происходит только в первые годы революции. Едва только минует непосредственная опасность интервенции, задача организации производства и задача овладения культурой встают перед рабочим классом на первый план. И не даром В. И. Ленин на 6-м году революции написал следующие слова, которые в значительной степени предопределяют путь нашего развития на ряд лет.

«Раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную, организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» (Ленин — «О кооперации»).

Итак, по Ленину, переживаемый нами период есть период прежде всего «культурной» работы. Это не значит и не может означать, что политическая деятельность отходит на задний план, что перед партией вовсе не стоят задачи приобщения масс к политической жизни и деятельности. Но эти последние задачи могут выполняться с помощью культурной работы и через нее. Распространение грамотности, знаний, культурных навыков есть в нашей стране задача не узко-культурная, а в высокой степени политическая. Ибо с помощью знаний, грамотности, культурных навыков массы могут приобщиться к политической жизни.

И не случайно, что с окончанием гражданской войны начинается тяга рабочих масс к овладению знаниями. Тысячи и де-

сятки тысяч молодых рабочих и крестьян с 1920 и 1922 г. устремились в вузы и рабфаки, техникумы и академии, школы и курсы. Рука, привыкшая к плугу, молоту или винтовке, цепко уцепилась за непривычное перо. Спина рабочего склонилась над школьной партой. Мозги начали усиленно пережевывать высшую математику и политическую экономию. Постепенно, шаг за шагом, начали орабочиваться вузы, социальный состав их учащихся в последние 4—5 лет резко изменился. Не смену студенту из буржуазии (крупной и мелкой) стал приходиться новый студент из рабочих и крестьян, кровью завоевавший свое право на знание. И немалую роль в этой смене лица вузовской массы сыграли рабочие факультеты — эти детища Октябрьской революции, взростившие в своих стенах новые кадры культурных, грамотных рабочих.

Эта тяга ранее угнетенных масс к знанию была настолько велика, что нельзя было ставить ей никаких преград. Ни конкурсов, ни испытаний при поступлении в вуз не было. Каждая профессиональная или комсомольская организация могла в счет разверстаных для нее мест посылать в вузы своих членов. До известного времени такое положение было нужно, ибо этим путем удовлетворялась стихийная тяга масс к овладению теми плодами, которые ранее были, если не запретны, то недоступны.

Но такое положение могло быть терпимо только до известного предела. После этого предела оно стало отражаться на качестве выпускаемых вузами специалистов. Отсюда — введение конкурсных испытаний. Последние встретили комсомол неподготовленным. Не было проведено никакой работы по подготовке рабочей и крестьянской молодежи к испытаниям и не было проведено никакой работы среди профессуры, чтобы она и при конкурсах могла провести требуемую нами линию классового отбора поступающих в вузы. Поэтому произошло некоторое снижение процента рабочих среди вступающих в вузы.

Но все это — ошибки одного года, которые можно и нужно исправить в будущем. Основная же линия на орабочивание вузов намечена правильно, и комсомол заботился и будет заботиться, чтобы она проводилась с достаточной настойчивостью.

Но вузы — это лишь один из участков общего фронта борьбы за культуру. Вузы — это высшее достижение, которое дается сравнительно немногим. И поэтому комсомол ищет и находит десятки новых способов для того, чтобы удовлетворить тягу молодежи к знаниям.

И жизнь сама выдвигает эти способы. Вечерние и воскресные университеты, школы рабочей молодежи и школы крестьянской молодежи, фабзавучи и различного рода курсы, — все эти формы учебы в течение последних лет получили гигантское распространение. И они служат наглядным свидетельством того, как упорно массы стремятся овладеть культурой и выскивают на этом пути новые

формы, новые способы, доступные широчайшим кругам рабочих и крестьян.

А в самое последнее время происходит новый сдвиг: окультуривается быт молодежи. Быт — это самое рутинное, самое косное, что досталось нам от старого строя. В нашей стране с многомиллионным крестьянским населением коренным образом изменить быт в короткий срок совершенно невозможно.

А менять есть что. Быт нашей страны до революции — это темный и грозный быт кулачных боев и винного царства, суеверия и невежества, грязи и темноты, быт нищенский, быт бескультурия, быт давящий и суровый. Уже первые раскаты революции нанесли этому старому быту существеннейший изъяс. Но культурность в быт широким фронтом стала проникать лишь в последние годы.

И, что неизбежно было, застрельщиком в окультуривании быта становится молодежь. «Ядра нового быта», «инициативные группы», «бытовые кружки», — эти и десятки других названий прививаются к различным организациям, группирующимся вокруг комсомола и ставящим себе задачей переработку старого быта. Но главная работа проводится вне этих организаций, в значительной степени самотеком.

Радио, с необычайной быстротой привившееся в каждом клубе и в большом количестве рабочих семей, гармонь, впервые пришедшая на службу комсомолу, чистый костюм, сменяющий истрепанные широчайшие брюки клеш, физкультура, охватившая сотни тысяч взрослых и молодых рабочих, — все это вестники нового окультуривающегося быта.

Уже сейчас в нашем, богатом наследием прошлого, сегодняшнем дне видны ростки будущего быта, быта освобожденного человечества. И эти ростки нужно лелеять, беречь, показывать, чтобы они служили примером и образцом.

Борьба за культуру в быту проходит еще в значительной мере неорганизованно, без достаточного влияния и руководства комсомола. Эта борьба примет в десятки раз более широкий размах, если во главе ее встанет наша организация. И союз должен за это важнейшее дело взяться.

„Трагедия расточительства“

(К характеристике современного положения капитализма)

1. Путь развития капитализма

Вот уже десятый год первая Советская страна ведет упорную борьбу с капитализмом. Борьба эта протекает как внутри страны с частно-капиталистическими элементами нашего хозяйства, так и вне ее, — с мировым капитализмом. Мы имеем уже ряд положительных достижений в области вытеснения социалистическими элементами нашего хозяйства элементов частно-капиталистических. Ближайшие перспективы в этом отношении рисуются также благоприятно. Однако, понятно, что рост социализма в нашей стране происходил бы значительно быстрее, если бы в ряде крупнейших капиталистических стран произошла революция с переходом власти к рабочему классу.

Совершенно, ведь, понятно, что наш внутренний капитализм связан с мировым капитализмом, последним, до известной степени, питается. Поэтому-то, между прочим, монополия внешней торговли, осуществляемая Советским правительством, является предметом бесконечных нападков на нас со стороны капитала внешнего и внутреннего.

Уже самый факт десятилетнего существования пролетарского государства в капиталистическом окружении говорит за то, что наша форма хозяйствования идет и приходит на смену капиталистической системе. Не могла бы величайшая в мире страна в течение 9 лет вести свою хозяйственную жизнь на основах, диаметрально противоположных тем, на которых протекает до настоящего времени хозяйственная жизнь всего остального мира, если бы капиталистическая система производства и распределения не трещала, если бы капитализм, в свое время сыгравший революционную роль в истории развития человечества, из фактора прогрессивного, не стал бы фактором реакционным, регрессивным, не только не содействующим полному развитию производительных сил человечества, но и прямо этому развитию препятствующим.

Мы видим, как в последние десятилетия капитализм все более и более становится причиной замедления человеческого развития, как капитализм, раз'едаемый внутренними противоречиями, с одной стороны, ведет внешнюю борьбу: за рынки, колонии, сырье, а с другой стороны — внутреннюю: с рабочим классом, с наступающей революцией, с СССР.

2. Некоторые характерные моменты в состоянии мировой экономики

Послевоенная лихорадка капитализма в последние годы сменилась состоянием относительной стабилизации. Посмотрим, как выражается эта стабилизация в цифровых показателях, определяющих состояние основных отраслей хозяйства¹.

¹ Цифровые данные в этой части статьи во всех случаях, где не оговорено особо, взяты из доклада Н. Бухарина на XV партконференции.—Я. Р.

Следующие цифры показывают, как в послевоенные годы развивалось производство важнейших отраслей промышленности. Приводимые цифры взяты в процентах к 1913 году, нормы производства которого принимаются за 100%, и они характеризуют производство в мировом масштабе (исключая СССР):

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Чугун	73,6%	89,8 ⁰ / ₀	87,2%	95,7%	98 ⁰ / ₀
Сталь	90,5%	105,1%	105,0%	115,4%	119 ⁰ / ₀
Уголь	86,8%	89,3 ⁰ / ₀	96,9 ⁰ / ₀	97,6%	—

О добыче угля в 1926 г. данных еще нет, и судить нельзя о размерах добычи, в связи с забастовкой английских рабочих. В целом же приведенные цифры обнаруживают, что в важнейших отраслях производства капитализм почти достиг довоенных граней, а в отношении стали даже превзошел довоенные размеры производства.

Данные о состоянии внешней торговли и денежном обращении также подтверждают то положение, что в течение последних лет движение капитализма идет по кривой вверх. Это движение, однако, протекает неравномерно, и из года в год происходят довольно значительные отклонения в ту или другую сторону от средних норм производства. Так, в 1919 г. произошло снижение мирового производства, в 1920 году — подъем, в 1921 году почти все капиталистические страны переживали острый кризис, в 1922/23 году наблюдался общий подъем и в то же время острый кризис в Германии. Наконец, и в самые последние годы наблюдается аналогичная картина. Так, из приведенной выше таблички видно, что, после роста производства в 1922 и 1923 годах, в 1924 году происходит уменьшение общих размеров производства.

Таким образом, нельзя совершенно определенно судить на основании приведенных данных о современном характере стабилизации капитализма. И если посмотреть, что происходит в различных, наиболее крупных капиталистических странах, то мы увидим, что эта стабилизация довольно неравномерно распределена между отдельными странами. Тов. Бухарин в своем докладе на XV партконференции, делит капиталистические страны на шесть групп, каждая из которых занимает совершенно различное место в стабилизации капитализма.

Прежде всего, если взять Америку и Европу, то в области добычи угля, достигший в общем, как мы видели выше, 98% размеров довоенной добычи, Америка перешагнула довоенный уровень, и ее добыча составляет уже 102,5%, тогда как Европа на 10% еще не достигла довоенного уровня. Среди различных стран Европы также существует несоответствие в этом отношении. Так, Англия достигла всего лишь 84% своей довоенной добычи угля.

Наиболее ярко выраженный характер стабилизации носит капитализм американский, где кривая развития идет быстро вверх и где успехи хозяйственного развития на протяжении последних лет являются действительно исключительными по своим размерам. Если, с одной стороны, отметить, что Соединенные Штаты Северной Америки сумели с 1914 года по 1920 г. увеличить применение электрической энергии с 3,8 миллиардов лошадиных сил до 13,3 миллиардов, а с другой стороны, что по вышеприведенным трем видам производства эта страна в среднем на 10% увеличила.

свой удельный вес в мировом производстве¹, то станет ясным, что корни стабилизации капитализма находятся в Америке, и общие показатели стабилизации капитализма относятся почти целиком к этой стране.

Действительно, если мы возьмем Англию, то здесь наблюдается почти непрерывная тенденция к хозяйственному упадку.

Затем, в огромных колониальных странах, как Китай и Индонезия, нет даже намека на стабилизацию, поскольку там происходит настоящая гражданская война.

На континенте Европы мы наблюдаем четвертый тип хозяйственного положения капитализма. С одной стороны, Франция, обнаруживающая все признаки хозяйственного развития, и, с другой стороны, Германия—благодаря плану Дауэса, рационализации производства, низкой заработной плате и при наличии миллионной армии безработных, в самые последние годы также преодолевающая острый кризис и показывающая движение вверх.

Наконец, наш Союз ССР. Здесь мы наблюдаем непрерывное хозяйственное развитие. До последнего времени страна находилась в периоде восстановления, а теперь перешла непосредственно к новому строительству и реконструкции всего хозяйства на высоко культурной технической базе. При этом социально-экономическая база нашего Союза уже теперь неизмеримо более высока, чем в странах капитализма, и это служит гарантией быстрого темпа дальнейшего развития, опережающего рост капиталистических стран. Плановое хозяйство, естественно, будет быстрее развиваться, чем хозяйство анархо-капиталистическое, что вполне подтверждается данными пятилетнего хозяйственного плана.

И восстановительный период был пройден Советским государством быстрее, чем капитализмом. Империалистическая война кончилась в начале 1919 года, тогда как мы вышли из полосы войны лишь в 1921 году. Между тем, восстановление хозяйства до размеров довоенного времени произошло более или менее одновременно и у них и у нас. Здесь, однако, нужно еще учитывать, что тогда как капиталистические государства пользовались поддержкой в той или иной форме со стороны Америки (займы, кредиты) и к тому же их хозяйство и, в частности, промышленность пострадали несравненно меньше, чем у нас, — мы восстанавливались не только без всякой поддержки иностранных капиталистов, но при прямом их противодействии. Ко всему, самый характер происшедших восстановительных процессов существенно иной, чем в странах капитализма, поскольку, наряду с количественным восстановлением хозяйства, происходила в то же время качественная перестройка самих народно-хозяйственных основ, самой хозяйственной организации.

К шестой группе принадлежат страны, главным образом, возникшие в результате войны, это—Польша, Чехо-Словакия, Югославия, наши прибалтийские соседи. В большинстве этих стран не только не наблюдается развитие, но происходит движение вспять, с тенденцией к аграризации народного хозяйства. Эти страны, особенно Польша, обычно не выходят из состояния перманентного кризиса, сопряжаемого закрытием заводов, ростом безработицы, колебанием валюты и нарастанием революционных тенденций среди трудящихся масс населения.

Вот те основные группы стран, на каждую из которых совершенно своеобразно наложил свой отпечаток послевоенный период, каждая из которых далеко не одинаково была затронута полосой стабилизации и экономического восстановления и развития.

¹ Л. Эвентов. «К характеристике современного положения мирового хозяйства». «Правда». 7 окт. 1926 г.

Наиболее характерным моментом в экономической политике капитализма является теперь стремление к рационализации производства. Разумеется, что в условиях капитализма эта рационализация бьет прежде всего по интересам рабочего класса. Проводится усиленная работа с целью интенсификации труда рабочих, с одной стороны, и вводятся новые технические достижения, улучшается организация производства — с другой. В результате мы видим, как в различных отраслях хозяйства происходит быстрый и значительный рост производительности труда, тогда как размеры заработной платы почти не повышаются. Так, в Соединенных Штатах, если принять, что средняя производительность труда в 1914 г. была равна 100, то в 1925 г. в автомобильной промышленности она составляла — 310, в железоделательной и сталитейной — 150, в бумажной — 126. В то же время в среднем реальная зарплата достигла всего 123. В среднем, американский рабочий производил в 1925 году за каждый доллар заработной платы на 15% больше ценностей, чем в 1914 г., т.-е. от роста производительности труда рабочий класс выигрывал несравненно меньше, чем капиталист.

Еще более резко результаты рационализации для рабочего класса сказываются в Германии. Здесь имеем такие данные. Продукция угля в Рурском бассейне с января 1925 г. до июня 1926 г. увеличилась на 20%, число рабочих уменьшилось почти на 23%. Между тем владельцы копей отказываются даже незначительно повысить зарплату рабочих.¹

Вообще нужно сказать, что среди европейских стран Германия наиболее далеко шагнула в области рационализации производства. Приведем еще один пример (из доклада г. Бухарина). На одном химическом предприятии производство выросло на 200% (на 100%?) при уменьшении количества рабочих на 2/3 и при уменьшении рабочей недели с 50 до 42 часов. Такие возможности открываются, разумеется, благодаря применению в производстве новейших технических достижений.

Несомненно также, что происходящая концентрация производства, организация еще небывалых по размерам трестов, синдикатов, картелей и т. д., содействует росту производительности труда. Однако, тот факт, что повышение производительности прежде всего бьет по интересам рабочих и не соответствует размерам повышения материального уровня рабочих, остается несомненным.

Если сопоставить нашу борьбу за рационализацию производства с капиталистической, то видно, что тогда, как у нас основным стимулом этой борьбы является стремление к улучшению материального положения рабочих, к расширению производства и удовлетворению потребностей населения, к более быстрому росту социалистических элементов хозяйства, — в условиях капитализма рационализация проводится с целью извлечения большей прибыли, сужения размеров производства, в соответствии с обеднением населения и уменьшением его платежеспособного спроса, с целью сокращения количества рабочих. Поэтому-то в наших условиях, наряду с проводимой рационализацией, возрастает также и количество рабочих, занятых в производстве, а в капиталистических странах рационализация ведет за собою рост безработицы.

Подводя итоги сказанному, мы приходим, в основном, к следующим выводам. Полоса стабилизации капитализма является весьма относительной и далеко не одинаково характерной для всех стран. Если восстановительный период для всей капиталистической системы можно считать вчерне законченным, то для отдельных стран (Англия, Польша) этот период еще далеко не является завершенным. Обнищание широких масс населения, в результате

¹ „Экономическое положение Германии на 1-е полугодие 1926 г.“ Изд. Германск. Кредитн. Об-ва.

империалистической войны, сузило емкость потребительских рынков, вследствие чего проблема расширения рынков, за счет захвата новых, неизменно стоит перед капитализмом и представляет серьезную угрозу в смысле возникновения войн. Рационализация методов производства, интенсификация труда рабочих (а в некоторых странах просто увеличение рабочего дня — в Италии до 9-ти часов, в Англии—стремление шахтовладельцев увеличить рабочий день горняков), применение новейших технических достижений,—все эти мероприятия в своей совокупности не влекут к сколько-нибудь заметному улучшению положения рабочего класса, а, наоборот, еще более углубляют его эксплуатацию, увеличивают безработицу, не устраняют анархичности всего хозяйства и возникновения все новых и новых кризисов, которые, в сущности говоря, со времени войны не исчезают с хозяйственного горизонта капитализма. Все эти мероприятия не способны в условиях капитализма настолько развязать производственные возможности человечества, чтобы они давали максимально возможные, на настоящем культурном уровне, результаты. Капитализм, какие бы он рационализаторские методы ни вводил, не способен по самой своей сущности устранить основные причины, препятствующие наиболее быстрому, бесперебойному и дешевому развитию производительных сил, ибо причины эти заложены в самой капиталистической системе производства и распределения: частная собственность на орудия производства и вытекающая отсюда анархия производства. К вопросу о том, насколько дорого эта система человечеству обходится, несмотря на всю рационализаторскую деятельность, которая капиталом развивается, мы теперь и перейдем.

3. Накладные расходы капитализма или „трагедия расточительства“

В этой части статьи мы хотим познакомить читателя с весьма интересными исследованиями одного американского экономиста, Чэз Стюарта, которые он произвел в отдаленных областях экономической жизни Америки, с целью выяснения размеров тех средств (главным образом, человеческого труда), которые совершенно непроизводительно затрачиваются в условиях капитализма. Для нас эти исследования представляют интерес, поскольку они наглядно показывают, с какими баснословными и неустрашимыми непроизводительными затратами связано существование капитализма, затратами, которые никакая рационализация, за исключением рационализации социализма, не ликвидирует. Эти исследования вместе с тем показывают, каким невероятно дорогим является капиталистическая система производства и распределения, и насколько эта система сдерживает, тормозит развитие производительных сил. Книга Чэз Стюарта — «Трагедия расточительства», даже против воли самого автора, который, оперируя презосходнейшим материалом против капитализма, дальше сентиментальных разговоров о функциональном обществе и необходимости производить затраты на религиозные «нужды» не пошел,—эта книга, вернее, приведенные в ней цифры и факты, является прямым обвинительным актом против капитализма.

Автор книги оперирует данными американской статистики, отдельных экономистов, различных отчетов, а также данными, полученными в результате собственных наблюдений и изучения. Тем более собранный им материал интересен и разносторонен. Приводимые автором цифры представляют прямой счет капиталистическому хозяину. Начинает он, понятно, с расходов, вызванных последней войной. Мы здесь приведем лишь основные и наиболее интересные цифры, поскольку этот вопрос уже неоднократно освещался на страницах печати.

Общее количество людей, убитых, раненых и лишившихся полностью или частично трудоспособности, достигает 33 миллионов жизней, прерванных в наиболее зрелом и продуктивном возрасте, и к тому же жизней людей

наиболее здоровых. Как это отразится на следующих поколениях — учету не поддается. Кроме того, эпидемия инфлуэнцы («испанка») в 1918 году, как последствие войны, унесла 10.000.000 жизней.

Затем, во Франции, на ряду с другими разрушениями, уничтожено 4.400 фабрик и заводов, 900.000 строений и т. д.

На одно лишь сражение на реке Эн, не наиболее значительное среди всех больших сражений, имевших место в истекшую войну, было выброшено такое количество азота, которого было бы достаточно для спасения Индии от голода.

Американские военные расходы составили почти 30 миллиардов долларов, или 60 миллиардов рублей, т.е. они превысили весь государственный бюджет СССР в 15 раз. Интересно, затем, что «правительство Соединенных Штатов за 131 год, с 1789 по 1920 год, израсходовало 66 миллиардов долларов, из которых 53 миллиарда или 78% ушло на войны или военные цели. Для 1920 года д-р Роза, из Бюро Стандартов, произвел следующий анализ американского федерального бюджета:

Покрытие расходов по прошлой войне	3.856 млн. дол. или	68%
Расходы на будущие войны (настоящие военные затраты) 1.424	1.424	25%
<hr/>		
Всего для войны	5.280	93%
<hr/>		
Расходы на гражданские долги	181 млн. дол. или	3%
" " " о'щественные работы	158	3%
" " " образование и науки	57	1%
<hr/>		
Всего на мирные цели	406	7%
Общий правительственный расход	5.686	100%

«Девяносто три процента для войн, прошедших и будущих, и только один процент для науки и образования!» — восклицает автор.

Вышеприведенными цифрами далеко не исчерпываются потери человечества от капиталистических военных расходов. Во-первых, самый факт отрыва миллионов наиболее здоровых людей от производительного труда для прохождения военной службы обходится очень дорого. Во-вторых, разрушения, причиняемые войной, здесь далеко не учтены. В-третьих, война вызывает приостановку технического и культурного развития. В-четвертых, война вызывает рост заболеваемости населения, повышенную червность, неврастению, хулиганство, уже не говоря об общем нарушении нормального течения всей жизни.

Чэз Стюарт переходит затем к рассмотрению других непроизводительных расходов, неизбежно связанных с самой капиталистической системой.

Отмечая громадные затраты, производящиеся на опиум, при чем не для медицинских надобностей, а для курения (особенно в этом отношении отличается Англия, правительство которой монополизировало разведение мака опия и отравляет этим продуктом миллионы людей), на различные шарлатанские патентованные средства, на алкоголь и проч., Чэз приводит цифры, характеризующие страшный вред, приносимый этими предметами, и громадное количество рабочих рук, занятых этим непроизводительным, прямо вредным, трудом.

Интересные цифры автор приводит относительно потерь, вызываемых проституцией со всеми ее последствиями. Проституция — одно из наиболее ярких последствий капиталистической эксплуатации — может быть уничтожена после того, как будет уничтожен капитализм. В условиях постоянно возникающих экономических кризисов, образующих миллионные армии голодающих, безработных, проституция будет находить сотни тысяч и миллионы жертв, предпочитающих торговать собою, лишь бы не умереть с го-

лоду. И вот, по соответствующим вычислениям видно, что расходы на проституцию в 1919 г. в Соедин. Штатах Сев. Америки составили свыше 1.200 милл. руб. (включая сюда оплату проституции и всех последствий, как-то: болезни, потеря трудоспособности и т. д.). Общее количество женщин, занимающихся проституцией в Соед. Штатах, колеблется от 300 до 500 тыс. Ежегодно венерические болезни убивают 300 тысяч человек.

Дальше Чэз Стюарт указывает, что в Америке ¹ насчитывается свыше 300 тысяч преступников. Специальной охраны для борьбы с преступлениями насчитывается почти в два раза больше, и, несмотря на это, количество преступлений не уменьшается. Сам Стюарт признает, что подавляющее большинство преступлений происходит из-за отсутствия у людей прожиточного минимума. Совершенно ясно, что в условиях социализма миллионы людей, занятые, с одной стороны, преступлениями, а, с другой — борьбой с этими преступлениями, будут возвращены к производительному труду.

Подделка — также один из характерных способов наживы капиталиста. Помимо того, что вещи, произведенные при помощи подделки, не дают максимума возможной полезности, — эти вещи приносят большой ущерб человечеству. Достаточно привести хотя бы два таких примера. В Америке от подделанных недоброкачественных продуктов питания заболевает ежегодно около 3 миллионов человек. Затем, на пароходе «Генерал Слюкум» все спасательные круги были наполнены не пробками, а самыми обыкновенными опилками; когда пароход затонул, то ни один человек не спасся.

Шарлатанство, игра, спекуляция — также являются «малопроизводительными» видами человеческих занятий, а, между тем, они захватывают в поле своей деятельности огромные количества людей, из коих очень немногие наживают на этих грязных делах громадные состояния, а массы являются их жертвами. Никакой пользы, никакого производительного эффекта эти занятия не способны дать.

Чэз Стюарт говорит, что лишь незначительная часть населения Америки обеспечена необходимым прожиточным минимумом (в других странах эта часть еще меньше). Между тем, одни лишь расходы на роскошь, расходы, производящиеся горсточкой населения, составляют свыше 10% всего национального расхода Америки. На драгоценности, косметику, меха, изысканные туалеты, яхты, прислугу и курорты богачей и др. того же типа расходы тратятся ежегодно около 20 миллиардов рублей. Это и неудивительно, если одна лишь богатая женщина «тратит только на свои туалеты плоды целого года работы 200 рабочих швейной промышленности»... «Миссис Смит Уилкинсон из Ноттингема в Англии оценивает в 6.800.000 руб. свои драгоценности, в 265.000 руб. — платья, 128.000 руб. — шляпы и в 120.000 руб. соболью накидку». А рядом — миллион горняков еле питаются крохами, да и то благодаря помощи рабочих СССР.

Одним из наиболее характерных видов непроизводительной затраты средств является реклама. Реклама из средства содействия сбыта продукции превратилась сама в целую индустрию, в которой работает 600.000 рабочих (в одной лишь Америке). Нечего доказывать, до какой степени бесполезной (с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей) тратой сил и средств является деятельность этой 600-тысячной рабочей армии. И понятно также, что в условиях планового ведения хозяйства, когда размеры производства будут предопределяться потребностями населения, а качество продукции будет настолько высоким, насколько объективные и технические возможности это позволяют, — понятно, что в этих условиях реклама будет не нужна, и миллионы людей, вместо того, чтобы тратить свой труд на составление и печатание бесконечного моря афиш, реклам, специальных газет, журналов и т. д., и т. п. — будут использованы для производительного труда.

¹ Речь повсюду идет о Соединенных Штатах Северной Америки. — Я. Р.

Переходя затем к рассмотрению других сторон расточительности капиталистического строя, Чэз приводит данные, характеризующие недостатки капиталистических методов производства и распределения. Он выдвигает следующие моменты:

1. Отсутствие координирования и планирования.
2. Неиспользование оборудования, параллелизм в работе.
3. Сокращение и уничтожение продукции.
4. Слабая степень стандартизации методов работы, сортов и товаров.
5. Недостатки управления и организации.
6. Секреты производства, неиспользование изобретений.
7. Расточительство в технике распределения.

Планирование всего хозяйства, которое приведет к наиболее высокой производительности человеческого труда и деятельности, разумеется, в условиях капитализма, по самому своему существу являющемуся анархической неплановой системой, не может быть осуществлено. Планирование всем мировым и национальными хозяйствами может быть осуществлено только после социалистической революции. Пока существует частная собственность на орудия производства, конкуренция, в той или иной форме, между отдельными производителями является неизбежной. Конкуренция эта ведет к ожесточенной борьбе за рынки, и в дальнейшем приводит к империалистическим военным боям. Только международный пролетариат, захвативший власть в свои руки, сможет осуществить на деле плановое регулирование хозяйствами. И тогда не будет того положения, при котором, по вычислениям Чэза, в Америке при общем количестве взрослого населения в 40 миллионов человек, потери от капиталистических способов ведения хозяйства составляют 21 милл. человек.

Вот этого Чэз не понял. Он думает, что очень многое может быть достигнуто и в рамках капиталистического общества. Он думает, что в условиях капитализма можно избежать войн, можно всех прилично кормить, одеть и посадить в хорошие квартиры. Американец Чэз, собравший страшный материал против капитализма, являющийся смертным приговором капитализму, до выводов, напрашивающихся само собою, не дошел (или не хотел дойти). Книга Чэза наглядно обнаруживает, что капитализм себя изжил, ибо система, которая поглощает количество труда и энергии в два раза больше, чем это было бы нужно в условиях планового хозяйства, является уже тормозом для развития производительных сил человечества. Такая система долго держаться не может. Класс, эту систему осуществляющий, обречен. Ему на смену уже выступил новый класс — пролетариат. И, чувствуя и сознавая это, буржуазия стремится свое катастрофическое положение исправить. Она пытается рационализировать отдельные отрасли хозяйства и, прежде всего — промышленность.

Посмотрим, что в этой области происходит.

4. Процесс рационализации

Проблема рационализации является в настоящее время одной из наиболее животрепещущих в Европе и Америке. Ею заняты капиталисты-промышленники, финансисты, банкиры, профессиональные союзы, она стоит в центре всего общественного внимания. Это и понятно.

Результаты войны, непрерывные кризисы, революционные вспышки привели капитализм к состоянию такой обостренности и напряжения, что он ищет новых путей, новых средств борьбы для своего сохранения, для своей стабилизации. «Вожди» социалистических партий и профсоюзов в этом отношении капиталистам помогают, чем только могут.

Одной из главных причин возникшей забастовки английских горнорабочих явилась чрезвычайная отсталость техники добычи угля в угольной

промышленности Англии, вследствие чего стоимость его добычи значительно стала превышать размеры стоимости в других странах. Насколько техника здесь отставала от современного уровня, можно судить хотя бы по тому, что многие шахты нашего Донбасса оборудованы выше, лучше английских. Шахтовладельцы нашли, что наилучшим способом удешевления себестоимости угля является увеличение рабочего дня и снижения заработной платы рабочих. Для чего тратят огромные средства на рационализацию добычи угля, если можно добиться тех же результатов, т.-е. удешевить добычу угля, за счет уменьшения оплаты труда рабочих.

Эта политика английских шахтовладельцев является одним из методов борьбы за «рационализацию» производства. Не трудно видеть, куда ведет эта рационализация, на чем она базируется. Здесь мы сталкиваемся с самым определенным походом капитализма на существующие нормы зарплаты и стремлением выжать все соки из английского рабочего, соотечественники которого исчисляют (как мы слышали от Чез Стюарт) стоимость своего гардероба в миллионы рублей.

Однако, надо признать, что это только один из видов протекающих процессов рационализации, соответствующий, в общем, самому характеру консервативных методов, усвоенных в английской народно-хозяйственной жизни.

Если мы перейдем к Германии и Америке, то заметим существенно иные методы рационализаторской работы. Нужно, впрочем, сказать, что в последнее время и в Англии стали проявлять значительно больше интереса к технической рационализации.

Выше нами приводились уже данные, характеризующие достижения капитализма в области рационализации. Здесь мы постараемся лишь вкратце осветить вопрос о том, как отражается рационализация, проводящаяся в капиталистических условиях, на рабочий класс.

В капиталистических условиях производства рационализация проводится постольку, поскольку она увеличивает размеры прибыли предпринимателя, при чем в результате рационализации уменьшается доля заработной платы в стоимости продукта. Так, мы и видим, что в Америке стоимость промышленной продукции одного рабочего увеличилась с 1899 г. до наших дней на 40%, тогда как заработная плата выросла всего лишь на 10—15%.

Затем, в Германии, где в области технической рационализации имеются за последнее время значительные достижения, происходит непрерывный рост безработицы. Освобождаемые, в результате механизации производства, рабочие руки не находят себе нового применения, в связи с ограниченным потребительским спросом и невозможностью расширения размеров производства. В то же время интенсификация труда и механизация низводят роль рабочего к машине, которая производит самое ограниченное количество односложных движений, что приводит к очень быстрому и раннему исчерпанию сил рабочего. Мы и видим, что, например, у Форда рабочие старше 40 лет на работу не принимаются, и его рабочие в очень короткий промежуток времени становятся мало пригодными к интенсивному труду. Отсюда — большая текучесть рабочего состава на предприятиях Форда.

Рост производительности труда, основанный на рационализации производства, бешеной эксплуатации рабочего, при незначительном увеличении размеров оплаты труда, отсутствии реального социального страхования и росте безработицы, — не способен содействовать стабилизации капитализма и укреплению его политической мощи. Наоборот, такого рода рационализация ведет к обострению взаимных противоречий между буржуазией и пролетариатом, является фактором, содействующим полевению рабочих масс. Этот процесс полевения, революционирования рабочих Запада

будет протекать тем быстрее, чем большие достижения будет иметь страна Советов в области рационализации своего производства.

В этом отношении та работа, которую мы ведем за режим экономии и рационализацию, приобретает особое значение. Помимо того, что интересы индустриализации требуют от нас большой рационализаторской работы, мы должны считаться еще с тем, что наша рационализация, основанная на повышении технической базы нашей промышленности, транспорта, сельского хозяйства, на улучшении организации труда, торговли, управленческого аппарата, основанная одновременно на непрерывном — в соответствии с ростом производительности труда — повышении заработной платы и общего культурного и материального уровня рабочего класса, — наша рационализация есть также фактор революционирования широких рабочих масс мира.

Мы рационализируем с целью ускорения процессов социалистического строительства, тогда как капитализм рационализирует с целью укрепления своей системы и еще большего закабаления рабочего класса. Наша рационализация ведет к большему обслуживанию потребительского спроса населения, который неизменно возрастает. В условиях капитализма она ведет к большему обогащению предпринимателей. Мы рационализируем и вовлекаем новые кадры рабочих в производство, тогда как по ту сторону рубежа происходит массовое сокращение рабочих.

Чэз Стюарт в своей книге наглядно показывает, какие тесные рамки поставлены капитализмом делу рационализации, стандартизации производства. Наивысшей формой рационализации не только промышленности, но и всей хозяйственной жизни народов и всего мира является плановое регулирование всеми хозяйственными процессами. Только в этом случае рационализация, основанная на применении всех научных достижений человечества, сможет гигантски повысить производительность человеческой энергии и дать возможность при минимуме затрат получать максимум пользы, возможный на данной ступени культурного и технического развития.

5. Выводы

Нам остается в немногих словах сформулировать основные выводы, вытекающие из всего ранее сказанного.

Капитализм вышел из поля последней войны с резко изменившимся соотношением между отдельными странами. Центр тяжести капиталистического могущества переместился из Европы в Америку. Великобритания постепенно и неуклонно теряет ту роль капиталистического гегемона, которую она играла до войны.

Процесс восстановления капитализма, процесс заживления ран, нанесенных капитализму войной, процесс восстановления нарушенного равновесия протекает крайне неравномерно. Объективные данные показывают, что о восстановлении довоенных соотношений не может быть и речи. В этом отношении наиболее показательными являются: 10-й год существования и развития СССР, упадок Британии и революционное движение на Востоке.

Стабилизация капитализма носит весьма относительный характер и наблюдается далеко не повсюду и не равномерно. Наоборот, в ряде крупнейших стран наблюдаются несомненные признаки загнивания капитализма и нарастания революционных настроений.

Капиталистическое положение в странах капитализма не обещает последнему сколько-нибудь длительного успокоения и состояния гражданского мира. Обнищание широких масс населения, ухудшение, относительное, условий труда и борьба за рынки содействуют полевению масс, уско-

рению нарастания внутрикапиталистических противоречий и создают угрозу возникновения новых империалистических войн.

Существующие сособы капиталистической, анархической, системы производства и распределения значительно отстали от культурных и технических возможностей современного человечества, что ведет к хищническому, расточительному хозяйствованию, которое поглощает во много крат больше энергии, чем потребное и возможное для достижения тех же результатов, и даже гораздо больших, в условиях планового, социалистического хозяйства. Тем самым задерживается развитие производительных сил. Уже в лагере буржуазии это становится понятным, и наиболее дальновидные люди этого лагеря сигнализируют опасность. Чэз Стюарт в своей книге приводит данные коммунистов, не способные удивить, характеризующие невероятную реакционность хозяйственную (уж не говоря о политической, которая вытекает из экономических предпосылок) капитализма, данные, способные убедить всякого честного грамотного человека в том, что капитализм дожил до заката своих дней. Буржуазия свою историческую миссию прогрессивного класса выполнила. Теперь она является уже препятствием на пути человеческого прогресса и поэтому должна быть и будет сметена идущим (в России — уже пришедшим) ей на смену пролетариатом.

Как училась старая гвардия¹

Интересно было бы на основании анкетных данных определить возрастной состав нашей старой гвардии. Напрашивается мысль, что в данном случае мы имеем дело по большей части с ровесниками Ильича, т. е. с поколением, которое начало свою жизнь в ту эпоху, когда на темном фоне расцвета капиталистической «цивилизации» вдруг ярко вспыхнула звезда славной Парижской Коммуны и затем погасла, залитая кровью «безумцев», дерзнувших «штурмовать небо». Короче сказать, большинство представителей старо-большевистской плеяды насчитывает сейчас больше полувека своего жизненного пути, и их школьные годы падают на период мрачной реакции, водворившей кладбищенскую тишину в России после 1-го марта 1881 г., а юность проходит в предрассветную пору, в обстановке первых признаков революционной весны.

Что представляла из себя русская казенная школа времен Дмитрия Толстого и его продолжателя в области политики министерства «народного затемнения» — Делянова, — об этом наше нынешнее юное поколение вряд ли имеет сколько-нибудь ясное представление. Гимназии и духовные семинарии того времени, по существу, не далеко ушли от своего прототипа — бурсы Помяловского. Правда, в школах 80-х годов учеников не драли розгами, не морили в такой мере голодом, как в старой бурсе (хотя школы духовного ведомства не далеко ушли от своего образца и в этом отношении), и не всегда отдавали население школьных интернатов на съедение отвратительным насекомым; с внешней стороны некоторая культура как будто бы уже вторглась в толстовско-победоносцевскую школу, и попытка сравнения ее с «мертвым домом» Достоевского, не могла бы уже дать тех эффектных результатов, какие получились в очерке Писарева «Погибшие и погибающие». Но всемертвящая учеба, основанная на методе бессмысленной зубрежки, — тенденция убить в учащемся всякий живой интерес к подлинной науке, систематическое отупление мысли ученика механическими способами записывания в его мозги всех тонкостей латинской или греческой грамматики, всех скучнейших названий географической номенклатуры и всех хронологических подробностей о жизни и подвигах королей и «героев», — в этом отношении школа эпохи Толстого и Делянова напоминала старую дореформенную школу. Традиционная задача «просвещения» заключалась в том, чтобы путем школьной муштры, создать поколение обезли-

¹ Редакция предполагает дать серию статей на эту тему. В ближайших №№ будут помещены статьи т.т. Рязанова, И. Сидович, М. Томского, Ф. Кона и друг.

ченных и отупелых юношей, пригодных для постепенного пополнения изнашивающихся частей бюрократической машины в царской России. Из школы должен был выйти будущий благонамеренный чиновник, воспитанный в духе «православия, самодержавия и народности», лукаво но мудрствующий, сугубо почтительный к начальству, всегда исполнительный — со словом «слушаю-с!» на устах, лишенный всякого аппетита к критике устоев «существующего строя», ненавидящий «крамолу» и готовый всегда ее предать в охранные руки «по принадлежности», — одним словом, идеальный молчалинский тип. Поэтому то трепетное, формирующееся «Я» юного существа отдавалось под руководство и особо строгий надзор попа-законоучителя или классного наставника, долженствующего видеть всю жизнь ученика не только в стенах школы, но и за пределами этой последней; поэтому-то в средней школе господствовало преподавание мертвых языков и вообще, мертвых предметов — по мертвым учебникам, приводящим к духовной смерти учащегося, мертвыми методами; поэтому-то в школах так жестоко, так безжалостно жестоко преследовалось всякое поползновение «выродка в семье», какого-нибудь «дерзкого» питомца — потянуться к живому слову, к живой (не включенной в списки школьных библиотек) книжке, к живым людям, успевшим выйти на вольный воздух из душного подвала обывательской, санкционируемой и контролируемой участковым начальством, общественности.

Но этому фабричному производству будущих чиновников никак не удавалось стать орудием обезличения и «стандартизации» всего того человеческого материала, который становился предметом такого рода фабрикации. На ряду с типом совершенно законченного и отшлифованного Молчалина — нет-нет, да и выявится вдруг школьный «брак», который нужно поскорее уничтожить, во избежание усугубления неблагополучия со школьным механизмом. Мало того, смело можно сказать, что существовала какая-то закономерность, фатально определявшая появление «неблагополучий» в данном школьном мире в зависимости от повышения активности проводников в школе идеального толстовского режима. Как-то так всегда случалось, что в обстановке самой душной школьной аракчеевщины в голове то одного, то другого питомца вдруг вспыхивал огонек живой мысли. По большей части это событие имело связь с тем обстоятельством, что в руки юноши (или целой группы юношей) попадала та или иная книжечка, действительно способная возбуждать какую-нибудь живую мысль. Записанный таким образом в подходящую среду микроб «свободомыслия» имел всегда тенденцию к быстрому размножению. Пока там начальство спохватится, ан, смотришь, — уже где-нибудь конспиративно собирается группочка юных крамольников. «Заговорщики» уже отведали сладость нелегального самоопределения своей пытливей мысли, — вне стен проклятой школы, вне поля зрения всевидящего ока школьных церберов, вопреки всем строгим и строжайшим правилам школьного «существующего строя» и по собственному выбору источников своего духовного просвещения. И отныне у них уже падало и всерьез, а очень часто и на всю дальнейшую их жизнь получился вкус к борьбе с окружающими темными силами за право самостоятельной выработки своего мировоззрения...

Чем же занимаются юные «конспираторы» в своей «конспиративной» квартире? Изготавливают бомбы, готовят свержение

власти (в лице своего директора)? — О, нет, их спланирует воедино и ставит в опасное положение «внутренних врагов» гораздо более скромная задача. Дело в том, что им в руки попал запретный томик Писарева (или Добролюбова, Чернышевского, Белинского и т. д.). И этот томик им предстоит прочесть с величайшими предосторожностями, ибо, если в момент этого пресудительного чтения их накроет классный наставник или надзиратель, то по всей губернии поднимется необычайный шум о новой дерзновенной попытке к потрясению основ, и дело кончится в лучшем случае исключением «преступников» из учебного заведения с волчьим билетом (без права поступления в какую бы то ни было школу), а при наличии более «серьезного» отношения к ребятам со стороны предрежащей власти, то и упреждением «потрясателей» в острог.

Ныннешнему комсомольцу непонятным покажется вся подоплека такого рода странных явлений. Он сам не читал (да и вряд ли удосужится прочесть) хотя бы несколько страниц из тех, забытых сейчас авторов, которые были когда-то кумирами молодежи в доброе старое время.

Что такое там проповедывал Писарев? Почему руки гимназистов и семинаристов той эпохи так жадно тянулись к «Что делать» Чернышевского или к роману Оммулевского «Шаг за шагом»? Он только знает, что и Писарев, и Чернышевский и другие любимцы молодежи были когда-то «легальные» писатели, статьи которых печатались в легальных журналах и открыто издавались в отдельных книгах или собраниях сочинений: так с чего же такой переполох в педагогическом курятнике, такой шум, такие экстренные меры, как волчий билет или одиночная камера?! Разве в этих книгах, прошедших через царскую цензуру, выкидывались революционные лозунги, развивались революционные теории, ставился серьезно вопрос о борьбе классов, о перспективах этой борьбы, о тактике и стратегии авангардных отрядов трудящихся, выступающих против своих угнетателей и эксплуататоров?

При этом наш комсомолец обнаружит огромное невежество по части знакомства с историей развития революционной мысли в России. Он, очевидно, плохо представляет себе, какую огромную роль для роста революционных идей среди русской интеллигенции (а отчасти и одиночек из рабочего класса) сыграла легальная литература шестидесятых и семидесятых годов.

Там были недурно представлены и революционные теории, и революционные лозунги для своего времени, но, само собой разумеется, все это революционное содержание было облечено в такие иносказательные формы, задрапировано такими покровами защитного цвета, что строгий чиновничий глаз казенного цензора, как бы там ни расходилась его рука с красным карандашом, непременно проморгает ценные крупинки революционной мысли и не сумеет истребить в статье или книге весь подозрительный «канулер» (по выражению Некрасова).

Впрочем, на пятнадцатилетнего будущего большевика, дорвавшегося до запретного шлода, огромное впечатление производили не столько трудно уловимые для его ума революционные теории, сколько бодрые, звучащие весенними аккордами идеи эмансипации (освобождения) личности от всякого рода ошутыва-

ющих ее уз — семейных, общественных, религиозных и т. д. Лозунг — долой всяческие авторитеты — звучит для него слаще звуков Моцарта. «Новые люди», объявляющие войну всем старым богам прадедовской морали и проповедующие теорию эгоизма, кажутся ему такими гигантскими мыслителями, которым несомненно удастся в скором времени повести за собой все честное и живое на земном шаре. Задорный смех «реалиста» над поборниками чистого искусства радостно откликается в его юной душе. Слово «свобода» становится для него самым священным, хотя и очень туманным, символом солнечного счастья, хотя черт его знает, в какую форму она должна вылиться, эта свобода, эта сверхсчастливая жизнь. Ему неудержимо хочется грезить о таких райских чертогах, где нет ни латинского, ни греческого языка, ни школьных держиморд, ни карцеров, ни родительских попреков за четвертную двойку по закону божью, ни призраков волчьего билета. Он знает при этом, что подобного рода рай называется социализмом, и он клянется в душе веровать в этот самый социализм до конца своего земного существования. Но он все-таки не настолько наивен, чтобы думать, будто социализм готовится только на его личную потребу. Ясное дело, что социализм нужен для всего угнетенного люда. И тут опять-таки он воспринимает теорию о социализме по-своему, эмоционально. Социализм — это тот порядок вещей, при котором «не будет на свете ни слез, ни вражды, ни бескrestных могил, ни рабов, ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды, ни меча, ни позорных столбов».

Ну, разве же ради всего этого не стоит пойти на риск — пожертвовать своей карьерой, своей будущностью, быть может, даже своей жизнью, лишь бы только дерзко урвать под носом у своих мучителей «счастливый часок общения с себе подобными — в какойнибудь комнатухе у знакомого студента или чиновника, где в книжном шкафу водятся и «Современник», и «Русское Слово», и «Отечественные Записки», и те властители дум молодежи, которые любой своей страницей способны унести юную мысль в царство грез о равенстве и свободе, о коллективном творчестве и общественной гармонии, об изобилии потребительных ценностей и всеобщем благополучии. Немножко, правда, жутковато пребывать в напряженном ожидании, что вот-вот дверь откроется, и выглянет вдруг крысиная морда ищейки-надзирателя и зловеще прохрипит: «ага, голубчики... Так вот вы как!» Но волков бояться — в лес не ходить, и да будет презренна та мещанская душонка, которая все время прячется в ил «благон» меренного обывательства и вечно дрожит за свою иркуру. А какое торжество, какое наслаждение — власть начитавшись «реалистов» Писарева, благополучно разойтись по домам и посмеиваться в ус над попечительным начальством, прозевавшим очередную идейную контрабанду и лишившимся благоприятного случая зацанать «контрабандистов» с полицием.

Не подумайте, впрочем, мой юный читатель, что все эти статьи и восторги школьника былых времен имели в своей основе желание поиграть в революцию, пошутить с огнем, чтобы потешить свой авантюристский дух сильными ощущениями. Вовсе нет. Ребята тянулись из своего душного подвала к далекому солнцу свободного развития личности также стихийно и неудержимо, как тянется узник из тюремной клетки под открытое небо. В ком хоть раз пробудилась живая, протестующая против окружающей мерзости, мысль, кто хоть раз вкусил от запретного древа познания

великой правды жизни, тот уж всерьез оказывался обреченным на беспокойное искание ответов прямых на проклятые вопросы, как бы это дорого ему ни стоило.

Но если зараженный революционной бациллой юнец успевае благополучно проскочить через Сциллы и Харибды своего гимназического или семинарского плавания, если он добирался до двррей высшей школы, то перед ним открывались некоторые возможности пройти более серьезную школу революционной выучки. В средней школе он получил только стимулы, неудержимую охоту приобрести тот запас идей, с которым он сможет вступить на путь борьбы, давно уже маячивший перед ним. В высшей же школе, если он еще не натолкнулся на 1-й том капитала Маркса, то он набрасывается на «Очерки политической экономии по Миллю» гениального Чернышевского и по очень простым арифметическим иллюстрациям законов политической экономии, делающим эти «Очерки» чрезвычайно популярными, мало-по-малу начинает усваивать себе научное содержание того таинственного нечто, что называется социализмом.

Правда, его мятушаяся мысль еще обречена на шатание в дребях народничества, еще его ум опутан теорией субъективизма по Михайловскому (историю, мол, творит субъективная воля людей), идеями о первенствующей роли героев, за которыми всегда идет толпа, народнической концепцией (учением) о развитии социализма из крестьянской общины, рассуждениями последней старого народничества о необходимости — хотя бы с помощью государственных мероприятий — задержать развитие капитализма в России и всякого рода иными предрассудками того же происхождения. Но не забудем, что наш будущий старый большевик вступает уже в полосу 90-х годов прошлого столетия. В это время Группа Освобождения Труда, т.-е. главным образом — Плеханов успел в своих заграничных брошюрах потрясти до основания устой народничества. Быть может, наш «девяностышник» и не набрел еще на такие плехановские шедевры, как «Социализм и политическая борьба» или «Наши разногласия», но о марксизме он уже слышал и о Марксе кое-что знает хотя бы по народническим книжкам (мог, например, вычитать и у Михайловского), а быть может, даже и имел случаи встречаться с живыми марксистами в интимных уголках во время студенческих вечеринок, где, на ряду с комнатой, заполненной раздумывавшимися танцующими парами, идет словесная перепалка по вопросу о том, обойдется ли Россия без капитализма или нет.

Наш народник начинает испытывать все большее и большее беспокойство. Он еще способен выкрикивать проклятия по адресу ненавистного марксизма, который, дескать, хитро подкалывается под основы «истинно-революционного» мировоззрения, но лоб его при этом все чаще и чаще покрывается морщинами какой-то озобоченности, и на лице появляется выражение растерянности и сомнения. Когда же его народническую мысль словно бомбой опарашивает свеженькая книжка Бельтова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»), тут уж его народническое самочувствие становится совершенно неблагоприятным. Он избегает встречаться со своими единомышленниками, ибо его смертельно пугает тот момент, когда кто-нибудь из этих твердых в своем миросозерцании апостолов народничества при взгляде на его расте-

рянную физиономию — вдруг скривит рот в презрительную усмешку и проедит сквозь зубы: э-эх ты, ренегат...

А тут, как нарочно, ему пришлось раздобыть и проштудировать 1-й том «Капитала», ибо ему поручено занятие с кружком рабочих, и он не хочет выступать перед ними с легковесным багажом. Правда, Маркс в его голове обнимается с Лассалем, тут же с ними хороваются и Чернышевский, и «учитель» чувствует, что ему самому еще нужно здорово поучиться, тем не менее его мысль все более и более начинает освобождаться от благоприобретенного народнического налета, подобно тому, как с лика луны соскальзывает тeneвая вуаль во вторую половину затмения. Он открыто становится марксистом.

Как водится — занятия новоявленного марксиста с кружком заканчиваются арестом и переселением под гостеприимную сень предварилки (в Питере) или Бутырок (в Москве). Будущий большевик обрел, наконец, свой революционный университет. В одиночной камере все располагает к усидчивому чтению: и тишина, которая в большом количестве представляет для узника с его мрачными думами «вещь невыносимую», и страстное желание в процессе творческой работы ума почувствовать иллюзию жизни, и давно уже созревшее сознание необходимости подтянуться в теоретическом отношении. Как-никак, а в течение полутора-двух лет высижки в одиночной камере, наш марксист успевает прочесть уйму книг. Друзья его берут на себя заботу о том, чтобы у него были все журнальные новинки, и он, внимательно прочитывая на досуге каждую страницу и народнического «Русского Богатства», и марксистского «Нового слова» или «Мира Божьего», и просто либеральной «Русской Мысли», гораздо более бывает в курсе публицистики данного момента, чем любой товарищ из оставшихся на воле, принужденный отдавать большую дань своего времени и сил вечным хлопотам и заботам по выполнению житейских или революционных заданий текущего дня. Не только, однако, журналы, но и такие фолианты, как «Политическая история Французской революции» Олага или «История индуктивных наук» Уэвелля и т. п. — быстро и легко проглатываются им том за томом.

Иначе проходит революционная выучка рабочего, втянутого в кружки. Первое откровение он получает обычно из какой-нибудь нелегальной брошюрки, в роде «Хитрой механики», «Царь—голод», «Кто чем живет» и т. п. Первая такая прочитанная им брошюра бросает яркий снап света на его дремлющую мысль. Словно небесная музыка коснулась его с'езженной и засохшей души. Простые, бесхитростные фразы замусоленной брошюрки впервые дали ему понятный ответ на давно уже мучивший его вопрос о происхождении социального неравенства. Теперь он уже приблизительно представляет себе, как наживается хозяин-буржуй, и в чем заключается секрет эксплуатации буржуем рабочего. Мало того, он постиг и ту радостную для него идею, что не всегда так будет, что наступит время, когда хозяином всего производства будет коллектив рабочих, весь пролетарият. И у него от этой мысли становится светло и весело на душе. Но он еще бродит впотьмах, как слепой котенок, натякающийся на препятствия по дороге к соску матери. Он не знает — как же добиться того вожделенного времени, которое обещает людям социальный рай на земле? Кто и какими средствами сделает это? И вот он начинает жадно прислушиваться к разго-

ворам окружающих товарищей, при чем скоро натывается на тот или иной конспиративный кружок, в который его вводит какой-нибудь уже «сознательный» приятель и где он имеет безграничную возможность задавать бесчисленные вопросы: кто, где, когда, почему... Его все интересует: есть ли бог, или никакого бога нет, правда ли, что был Христос, откуда происходит человек, и верно-ли, что будто от обезьяны, почему прибавочная стоимость попадает в руки капиталиста, что представляют из себя звезды на небе и т. д. Напрасно суровый к своим обязанностям пропагандист по вопросам социализма старается втиснуть мысль и внимание своего кружкового ученика в рамки предначертанной программы для занятий, — чеугомонный ученик все продолжает и продолжает сбиваться «в сторону» и распылять свое внимание. Нечего делать, нужно надеяться его легальными популярными книжками, — пусть, мол, сам усваивает элементы науки.

В то время, о котором здесь идет речь, огромную роль в деле развития пролетарского сознания играли рабочие библиотечки. Эти библиотечки состояли из подбора легальных книг. Хранились они в каких-нибудь укромных местечках и сравнительно редко подвергались разгрому. Здесь было бы излишне приводить типичный каталог книг в рабочих библиотечках, скажу только, что в них попадались книги и по рабочему вопросу (Флеровского «Положение рабочего класса в России», Лассалья «Труд и Капитал и т. п.), и по истории Великой Французской революции (например, Токвилль), и по беллетристике (особенно часто встречались: «Эмма» Швейцара, «Один в поле не воин» Шпилльгагена, «История одного крестьянина» Эркмана—Шатриана, «Шаг за шагом» Оммулевского и т. д.). Прочитавшие две-три дюжины книжонки из рабочей библиотеки и поднапичканный марксизмом в кружке, затронутый пропагандой пролетарий попадал в разряд «сознательных» и даже сам мог стать в центре групповой выучки рабочих. Когда же и перед ним раскрывались двери тюрьмы, он тоже, как и интеллигент, становился обладателем огромного досуга. К сожалению, тюрьма не всегда была для пленника из рабочей среды дальнейшей школой теоретического самообразования. К нему книг и журналов не посылки с воли, а в каталоге тюремных книг он не всегда находил для себя что-либо подходящее и охотнее занимался перепиской с товарищами по тюрьме (посредством легких уколов иголкой нужных для корреспонденции букв в тюремной книжке), чем систематическим чтением.

Кроме того, у рабочих в обстановке одиночной камеры чаще наблюдалось упадочное состояние духа, чем у интеллигентов в тех же условиях. Это объяснялось тем, что интеллигент привык к кабинетной работе, и ему нетрудно было приспособиться к тишине своей камеры, а рабочий, дитя улицы и фабрики, очень тяжело переносил одиночество. Да и то сказать: к интеллигенту ходит навещать его какая-нибудь «невеста» (обычно, по назначению), и эта «невеста» доставляет ему кой-какие деньжонки, провизию и даже цветы. У него всегда есть что покурить. А у пленника-рабочего нет ни «невесты», ни провизии, ни денег, а, следовательно, и самого главного, без чего ему жизнь становится тошнехонькой, это именно—табаку. Где уж тут ему чувствовать приливы жизнерадостного настроения и жаждать окунуться в творческий процесс мысли, т. е. погрузиться в чтение какой-нибудь серьезной кни-

жонки, ежели у него нестерпимо сосет под ложечкой, и мысль о кураве не дает покою.

Ссылка, следующая за тюрьмой, являлась для революционера очень подходящим временем для анализа тех или иных революционных проблем современности, — анализа, вырабатывавшегося в бесконечных спорах и беседах с окружающими товарищами по ссылке. В ссылках гнезда северных губерний России или в Сибири обычно можно было найти представителей всевозможных партий и фракций: тут были социал-демократы и народники разных цветов и оттенков, а впоследствии — большевики и меньшевики, эсеры и максималисты, и т. д., и т. п. Получался невольный контакт друзей и врагов по политическим убеждениям. Далеко не всегда этот контакт выливался в формы мирных дискуссий и мирного размежевания по линии теоретических расхождений. Очень часто революционеры разных, так сказать, пород становились жертвами «ссылочных историй», т. е. осложняли свои теоретические споры моментами личного недоброжелательства, подозрительности в неблаговидных поступках, взаимных обвинений в обвинительских прегрешениях, третейских судов и тому подобных приходящих обстоятельств. Иногда даже такого рода «ссылочные истории» кончались трагизмами (вспомним, например, трагическую смерть талантливого и многообещающего Федосеева, одного из пионеров марксизма, затравленного товарищами по ссылке и кончившего жизнь самоубийством в 1898 г.). Главным источником и причиной специфически ссылочных настроений, приводивших к «историям», была оторванность жертв политической ссылки от родной революционной стихии, тоска по кипучей жизни, накопление чувства раздражения против тех лиц, с которыми приходится ежедневно сталкиваться — не в процессе деловой работы большого порядка, а на почве мелких столкновений, в связи с разрешением будничных вопросов ссылочного общежития (общая кухня, общий огород, вообще какие-нибудь общие предпосылки для разрешения житейских проблем, стоящих перед ссылочной братией) или столкновений политических антагонистов, занесших и в ссылку свои бывшие враждебные настроения. Но как бы то ни было, а имелась и положительная сторона от этих дискуссий. Революционеры имели неограниченный простор для выявления своих воззрений в обстановке живых и горячих споров на ягучие темы партийных разногласий. Эти споры очень часто научали дискусионеров искусству быстро ориентироваться в основных моментах разногласий, находить наиболее уязвимые пункты в построении мыслей противника и нацупывать веские аргументы в подкрепление своих мыслей. Словом, именно здесь, именно в ссылке «политичитки» на практике познавали истинность французской поговорки, гласящей, что от столкновения мнений рождается истина.

Очень многие из старых большевиков не без чувства удовольствия вспоминают годы своей эмигрантской жизни, которая тоже представляет интересную страничку из их революционного воспитания. Правда, эмиграция во многом напоминает ссылку: та же оторванность от масс, от революционной стихии в родном краю, та же борьба партийных и фракционных взглядов в процессе бесконечных словоупотреблений, только в гораздо большем масштабе. Тут уже не дюжина ссылочных пленников, скученных на территории сибирского села, а многие сотни и тысячи представителей эмигрантской богемы, расколотых на политические группы и подгруппочки,

бешено сталкивающихся между собою, обвиняющих друг друга во всевозможных ересьях и даже пакостных деяниях, вечно спорящих, митингующих, кипящих в котле специфически эмигрантских страстей. Поэтому и эмигрантские истории очень часто напоминают по своему характеру «ссылочные истории». Но есть и разница между ссылкой и эмиграцией. Все-таки у группы единомышленников (ну, скажем для примера, нашего брата — большевика) в эмиграции имеются возможности и для положительной работы. Часть товарищей поглощена работами по издательству: кто литераторствует, кто редактирует, кто занят делом рассылки печатного материала по адресам (кстати сказать, это очень сложное дело: номер газеты на папирсной бумаге нужно тщательно обрезать, освободить от чистых полей для уменьшения объема, потом втиснуть как можно больше нелегалщины в переплеты книг или в двойное дно чемоданов и т. д., и т. д.). Другая часть товарищей втянута в воспитательную работу: более опытные по части теории становятся руководителями кружков, воспитателями, те же, которым предстоит еще «питаться», страстно набрасываются на литературу (конечно, сугубо нелегальную, с точки зрения царской охранки), — благо ее здесь (в Женеве, Париже и других местах скопления эмигрантской публики) такой избыток, что нужны годы, чтобы ее всю перечитать и проштудировать. Третья часть эмигрантов образует группу «хозяйственников». Ведь эмигрантская богема хочет «шамать», хочет прикрывать свои плечи хоть каким-либо рваньем. В виду этого нужно направить значительную часть усилий на то, чтобы коллективно заработать что-либо для братвы, послать напр., свободных товарищей на вокзал для перевозки на шаретках вещей приезжающих буржуа; необходимо организовать кассу взаимопомощи, открыть свою «большевистскую» столовую, собирать всякую рухлядь, которую можно еще на худой конец напаять на ноги или на плечи, и т. д., и т. д.

Но, говоря об эмигрантской полосе жизни старых большевиков, не следует упускать из виду одного счастливого обстоятельства, которое сыграло огромную роль в деле их духовного роста. В эмиграции наша братия всегда могла вертеться и действительно вертелась — в большей или меньшей степени близости к центру своего естественного тяготения — Ильича. Ильич был нашим великим учителем, нашим вдохновителем, нашей революционной нянькой, источником наших революционных помыслов и настроений. Слушать его речи на митингах (особенно в день 18 марта), его споры с меньшевиками во время дискуссий, иметь с ним интимную беседу, когда группочке товарищей удастся залучить его к Ландольту выпить по кружке пива, слушать его разъяснения в кружках по изучению партийной программы, получать от него директивы по выполнению поручений, — все это каждый из нас, старых большевиков, отдававших в свое время эмигрантской жизни, отмечает, как самые поучительные страницы в своей революционной жизни.

Итак, у любого старобольшевистского солдата революции было много полос в жизни, из которых каждая представляла какой-нибудь этап на его длинном пути революционно-марксистской выучки. И все-таки не велика была бы цена этой выучке, если бы он не сумел или не имел возможности применять революционную теорию к делу революционной практики. Без живой революционной работы он в лучшем случае был бы хорошим марксистским начетчиком.

но не ленинцем, в прямом значении этого слова. Ибо, что такое ленинизм, как не соединение марксистской теории с революционной практикой в обстановке той борьбы, которую пришлось, да и сейчас еще приходится, вести пролетариату (главным образом, пролетариату нашей страны) в обстановке разрушений старых устоев мировой реакции (в роде, например, русского самодержавия) и прохождения дряхлого капитализма через последний этап его развития? Перед русским старым большевиком промелькнуло много эпизодов героической борьбы, в которой ему приходилось принимать более или менее близкое непосредственное участие. Яркое зарево политических выступлений рабочего класса в 1902—1903 г. г., затем 9-е января, потом революция 1905—1906 г. с ее славными потемкинскими днями, октябрьской стачкой и декабрьским восстанием в Москве; затем снова подполье в годы реакции; Ленский расстрел, эпоха «Звезды» и «Правды», волна политических стачек в 1914 г., с июльскими баррикадами в Питере, период империалистической бойни... И во всех этих эпизодах кадры ленинской гвардии должны были стоять на своих трудных постах и дополнять свою революционную выучку в самой высшей школе, какую только можно себе представить, — в школе подлинной жизни. Далеко не все выдерживали этот искуc. Многие по дороге к вершинам своих революционных конечных целей оступались и падали, подымались и снова падали, многие отставали, некоторые и совсем умирали политической смертью. Но кто из старых большевиков сохранил в себе живой дух большевизма, кто донес горевшее в его душе революционное пламя до наших дней, тот имеет дубленую шкуру, закаленный дух и хорошую ленинскую выучку. Тот по праву заслуживает и любви и уважения со стороны своих революционных внуков.

Какой же вывод напрашивается из бегло набросанного здесь мною очерка о выучке старой гвардии? Что в нем может быть отмечено в качестве поучительного для нашего комсомольского поколения? О, по этому поводу можно было бы распространиться еще на много страниц, но это была бы уж особая тема для беседы. Здесь же я только отмечу следующее:

У наших революционных внуков есть свои собственные задачи в области приобретения ими знаний и революционных навыков. Перед ними нет врага в лице школьного инквизитора или жан-дармского ротмистра; им нет надобности тренировать свои боевые силы, практикуя школьное подполье для контрабандного чтения добропорядочной литературы. Им не нужно учиться ненавидеть всеми фибрами своей души «существующий строй». Но у них есть свои враги, в борьбе с которыми они должны мобилизовать все свои молодые силы и на этой основе построить систему своей революционной выучки. Одним из самых упорных таких врагов является проклятое наследие с его старым бытом, с его индивидуалистическими пережитками, с его моралью, с его предрассудками. Создать новую жизнь, новый быт, новые формы общечеловеческих отношений, переосмыслить и себя и окружающих сограждан, самому научиться и научить других, еще менее «грамотных», как мало-помалу, переходя, от одной будничной проблемы житейского порядка к другой, построить в конце-концов социализм и водворить на земле царство коммунизма, — это такая красочная задача, такая, скажем, даже красочная цель жизни, которая в тысячу раз больше, заманчивее, чем все то, что когда-то увлекало на путь «революционной карьеры» (правильнее было бы сказать — революцион-

ной голгофы) молодого подростка 80-х или 90-х годов прошлого столетия.

— Но, — скажет, быть может, молодой комсомолец с жадными нотками в голосе, — у вас когда-то была красочная борьба с приключениями и опасностями, вас выслеживали, вы прятались, вас арестовывали, вы убегали из тюрем и ссылки... вот, черт побери, славное было времечко!

— Милый мой друг, — хотелось бы мне ответить на это своему юному собеседнику. — В приключенческих эпизодах не было бы особенной надобности для полноты твоей жизни красочными моментами, если бы ты сумел заполнить эту жизнь напряженной творческой работой по строительству новых форм общественного бытия. Но и в приключенческих эпизодах, насыщенных опасностями для твоего физического существования, не будет недостатка, если только ты по-серьезному возьмешь на себя бремя тех задач, которые может возложить на твои молодые плечи наша эпоха. Вспомни жертв «дымовщины», вспомни смерть многих комсомольцев-рабкоров, которые вступили в серьезную борьбу с темными силами, оставленными нам в наследие вчерашним днем нашей истории. Наконец, не забывай и того, что непосредственная борьба с капиталистическим чудовищем еще не закончена. Еще тебя ждет впереди героическая эпоха такого столкновения старого и нового миров, какого до сих пор не было видано и слыхано. Итак, товарищ, не хнычь понапрасну и, не теряя времени, готовь себя к серьезному продолжению нашего общего дела и нашей борьбе на фронте отчаянных последних боев труда с капиталом. Иначе говоря, учись—работай и работай—учась.

— Но как же мне учиться, с чего начать, чем руководиться, где найти учителей?

— Можно было бы поговорить и по этому очень важному вопросу, но я, к сожалению, должен поставить уже точку, потому что редакция журнала предложила мне написать очерк о том, как училась старая гвардия, и свою тему я уже исчерпал, как мне кажется, полностью.

Источники бюрократизма в комсомоле

Тема об источниках бюрократизма в комсомоле — это частный вопрос более общей проблемы: что такое бюрократизм и каковы его корни в Советской стране? Поэтому в первую голову кратко ответим на эти вопросы.

Если порыться в десятках энциклопедических словарей, можно получить точные сведения о родословной слова бюрократизм, о том, что «бюрократизм» есть производное от двух слов французского — «бюро», что значит стол, канцелярия, зеленое сукно, которым покрывают письменные столы, и греческого «кратос», что означает силу, господство. Однако, большинство определений по существу явно не выдерживает критики. С известной претензией на точность «бюрократизм» можно определить так: бюрократизм — это система управления людьми, характерными особенностями которой являются, во-первых, наличие привилегированного чиновничества, имеющего особую подготовку, недоступную широким массам, во-вторых, отрыв от масс, пренебрежение к их запросам, лишения их фактической возможности участвовать в управлении. Таково наиболее общее определение системы бюрократизма. Здесь же уместно подчеркнуть, что у нас в Советском Союзе бюрократизма, как системы, нет. Однако, корни, из которых бюрократизм неизбежно вырастает, у нас остались.

Какие это корни? Во-первых, недостаточное развитие производительных сил, которое находит выражение прежде всего в наличии в значительных размерах мелкого производства. Ильич в своей статье «О продналоге» и в ряде других своих выступлений очень энергично подчеркивал этот источник бюрократических извращений нашего госаппарата, говоря, что экономическим корнем нашего бюрократизма является «раздробленность, распыленность мелкого производителя», «его нищета», «бездорожье». Во-вторых, *некультурность широких масс*, благодаря чему они не имеют возможности в достаточной мере активно принимать участие в управлении. Тов. Бухарин на III съезде комсомола говорил о значении этого фактора следующее: «Сложность и тяжесть болезни (бюрократической — В. К.) заключается в том, что бюрократическое заболевание вызвано... отсталостью широких масс. Представьте себе на одну минуту, что у нас каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый бедняк были бы равны по своему уму и мнению — не было бы никакого бюрократизма. Но он развивается потому, что тех, которые имеют организационные способности, административный опыт, соответствующие знания и проч., — сравнительно немного, они выделяются наверх»... «Основное явление заключается в том, что *при малом количестве способных руко-*

данных лиц происходит обособление этих лиц и слоев в особую категорию, которая не может сама собою уничтожиться и на почве переходной работы мало-по-малу создает особые психологические навыки, которые выражаются в бюрократизме».

В-третьих, социальная неоднородность, наличие классов, что связано с необходимостью существования государства и невозможностью для всех принимать равноправное участие в управлении государством.

Благодаря совокупному действию этих факторов, бюрократизм, уничтоженный, как система, революцией, имеет тенденцию развиваться вновь. Констатирование наличия этой тенденции нашло выражение в признании партией того факта, что наше государство есть рабочее государство с бюрократическим извращением. Однако, этой тенденции бюрократизации противостоят сильные противоядия. Роль этих противоядий еще не настолько велика, чтобы полностью ликвидировать бюрократическую язву, но уже достаточно велика для того, чтобы не только не давать развиваться болезни за пределы частичного поражения организма, но и создавать с каждым годом необходимую прочную материальную идейную базу для полной ликвидации бюрократической опасности. Какие это противоядия?

Во-первых, индустриализация страны, проводимая в союзе с крестьянством; во-вторых, растущее вовлечение всего трудящегося населения в работу по управлению государством; в-третьих, повышение культурного уровня широких масс. Полное разрешение этих проблем революции есть одновременно полная и окончательная гибель остатков бюрократических извращений.

Поэтому совершенно прав т. Яковлев, который в «Правде» (статья «О борьбе с бюрократическими извращениями в государственном аппарате») пишет: «По существу задача борьбы с бюрократизмом совпадает с задачей социалистического строительства, а задача полного уничтожения бюрократизма совпадает с задачей построения социалистического общества».

В свете такой постановки вопроса нелепыми кажутся старания некоторых товарищей и комсомольских литераторов замазать длительность и трудность борьбы с бюрократизмом визгливо-взбалмошным лозунгом: «Раздавим гадину». Товарищи пытаются копировать в другой области старика Вольтера, не замечая, что больше всего они все-таки похожи на старый русский персонал, — эдакого разухабистого звоняря с его премудростью — «Шапками задаем. Знай, мол, наших».

После сказанного можно вплотную поставить вопрос об источниках бюрократизма в комсомоле. По существу дела, ведь, причинами известных бюрократических извращений, которые наблюдаются в комсомоле, являются те же общие причины, на которые мы уже указали. В комсомоле они получают лишь своеобразное преломление, соответственно тем поправкам на особенности, которыми комсомол выделяется из ряда других организаций. Экономическая отсталость, нищета, некультурность общая и политическая, социальная неоднородность — вот те факторы, которые содействуют развитию бюрократических тенденций в комсомоле.

Любителям кампаний и всякого рода кратковременных всплесков, подобное рассуждение об источниках бюрократизма, конечно, не понравится. Это не в их характере. Им подай какого-нибудь

заплесневелого бюрократа, с лицом, похожим на таблицу из официального статистического сборника, и заяви: «Вот он, корень! Давите гадину». Давят одну гадину, потом набрасываются на другую — проблема бюрократизма исчерпана.

Это замазчивое по своей легкости объяснение, что корень бюрократизма в бюрократах, кажется иным вполне приемлемым, а главное доступным. Но оно, к сожалению, столь же состоятельно, как и научный диагноз Сногореля в Мольеровском «Лекарь поневоле»: «Ваша дочь немая, потому что она утратила способность речи».

Этим, понятно, не сказано, что отдельных бюрократов не нужно травить, что это не способ борьбы с бюрократизмом. Их надо травить, спора в том нет. Но нужно одновременно воспитывать в молодежи правильное представление о всей совокупности методов и способов борьбы с бюрократизмом.

Несколько иллюстраций к развитым положениям об источниках бюрократизма. Вот, например, не раз уже приводился случай с инструктором Мезенского укома (Арханг. губ.). Человек приехал на место, в ячейку, и составил ребятам такой наказ:

1. Привести в порядок архив ячейки за старые годы, подшив и подобрав бумаги по временам поступления.
2. Подшить протоколы за 1925 год и все распоряжения укома.
3. Завести дело протоколов заседаний бюро и дело отчетности перед УК», и т. д. в том же духе.

Комсомольцы ждали от него живых советов, как наладить хозяйство, как в с.-х. кружке работу поставить, а он им список канцелярских правил представил.

Бюрократизм это? Бюрократизм. Можно, конечно, завопить: вот, дескать, такой-сякой дурак, болван, промокашка с глазками и проч. Можно снять этого инструктора. Но разве этим исчерпан вопрос? Дело в некультурности, в неграмотности, носителями которых являются сотни других инструкторов. Их всех не переснимаешь. А если даже и переснимаешь, так никакого толка не получится.

Или вот, например, факт, сообщаемый сотрудниками «Бедноты» (№ 2544 от 24 октября). В одной из волостей Вятской губ. комсомольская организация в прошлом году выросла с 25 человек до 112. В нынешнем году организация стала таять — осталось 90 человек. Собрания посещаются плохо. Посещаемость волостных конференций раньше 75%, теперь 25. Три пленума волкома не состоялись за неявкой участников.

Автор корреспонденции указывает на причины такого явления: «Во-первых, нет товарищеского, внимательного, чуткого подхода к новичкам.

Во-вторых, рядовым членам не дают работы в организации.

В-третьих, те порывы, та инициатива, которые есть у комсомольцев, убиваются активистами-комсомольцами.

Проходит, напр., собрание — выступают преимущественно «активисты», пускают красноречивые фразы, не давая возможности молодому комсомольцу высказаться или часто осмеивая его».

Почему такие «ножницы», такой разрыв между руководящей верхушкой и рядовыми комсомольцами, разрыв, за которым несомненно следует и разрыв между всей организацией и беспартийной молодежью? Есть ли здесь бюрократизм? Отчего он про-

исходит? Его причины упираются в некультурность, неумение работать, в мелко-собственническую обстановку, которая учит разединению, выпячиванию на первый план своего «я», воспитывает в духе забвения интересов деловой, коллективной работы, направленной для общего дела.

Недаром у нас так резко стоит вопрос о пролетарском руководстве деревней. Укрепление пролетарского руководства есть гарантия против бюрократической ржавчины.

Еще один пример—очень характерное письмо активного деревенского комсомольца. Читатель, вероятно, не будет в претензии за чрезмерно длинные выдержки из него.

Товарищ написал хорошую, деловую статью. Затем следует специальная глава «Скажу о себе». «Я происхожу, — пишет он, — из бедной крестьянской семьи. С 6 и до 11 лет я был пастухом. С трудом окончил школу первой ступени и продолжаю заниматься самообразованием. В 1923 г. вступил в комсомольскую организацию. В 1924 г. октябре месяце меня избирают ответ. секретарем большой комсомольской сельской ячейки. Моей работой восхищались старые активисты и волпартком.

Проработав секретарем комсомольской ячейки с полгода и вида, что я хороший работник, меня в марте месяце 1925 года на пленуме волкома ВЛКСМ избирают членом рабочей тройки волкома ВЛКСМ, где я и работаю до настоящего времени, исполняя обязанности завполитпросвета.

В первое время я начал руководить сельской, а потом и волостной организацией комсомола. Я был крепкого телосложения и красивый деревенский юноша.

А теперь... я уже не тот.

Мои экономические условия были самые наихудшие, но я работал и нигде не говорил о них, так как считал шкурным вопросом.

Наконец, я дошел до самой крайности и вынужден был принять на себя обязанность председателя волбатрачкома, чтобы заработать себе кусок хлеба.

Работы, разумеется, прибавилось, и месяца через 2 я почувствовал, что в работе имеются ущемления, и вынужден был оставить работу в волбатрачкоме и, таким образом, снова лишился последнего куска хлеба. Прошло месяца 1½. Я, как безработный, голодал, но работу в комсомоле не бросал. Скоро я почувствовал, что нездоров и отправился к врачу. Врач признал у меня малокровие и еще какую-то, по его словам, серьезную болезнь и посоветовал мне бросить всю умственную работу и поехать в деревню отдохнуть.

В то время секретарь волкома ВЛКСМ получил отпуск, и я остался заместителем. Где же тут отдыхать, когда нагружен работой по-горло и сидишь голодным?

Мне предложили вступить в обязанность техсекретаря при волкомпарте, чтобы я не сидел голодным, и я занял обязанность техсекретаря.

Вот анкета моей работы в то время:

1. Завполитпросвет ВКМ ежедневно 6 часов.
  2. Техсекретарь...
  3. Врид. секретарь бюро ячейки МОПР'а ежедневно по 3 часа.
  4. Агент по распространению газет.
  5. Член волбатрачкома — ежедневно по 1 часу.
- Итого 19 час. в сутки.

Да, кроме того, различные заседания, совещания, общие собрания и т. д.

Таким образом приходилось работать не меньше, чем по 20 ч. в сутки. Я ночевал в ячейке.

При таком положении я проработал три месяца, и скоро стали замечаться упущения в работе со всех сторон.

Сперва волкомпарт удивлялся, почему я, такой активист, перестал быть инициативным царнем. Затем стали раздаваться замечания и негодования со стороны волкомпартии и волкома ВЛКСМ.

Я привык быть «молодым стариком» и окончательно растерялся и упал духом. Я начал просить волкомпарт, чтобы меня освободили от обязанности техсекретаря и бюро МОПР'а. Моей просьбу удовлетворили, но не обошлось без того, что сказали мне, якобы, я не желаю работать для партии.

Я снова оказался без куска хлеба, а уж наступила глубокая осень, а у меня нет ни одежды, ни обуви зимней.

Я, однако, провел все кампании. Подходил праздник Октября. Меня волкомпарт назначил в Покровский сельский совет (за 12 верст от волцентра) проводить эту кампанию. Я и пошел в осенней одежде, в худых ботинках пешком. Пока я прошел 12 верст да по такой скверной дороге, я весь промок и продрог. Я провел общее собрание, сделал обширный доклад о достижениях Советской власти за 8 лет и пошел к отцу погреться. Я не был дома целый год, и когда я вошел в дом, то меня едва узнали: я похудел, осунулся, стал бледный, глаза ввали, по лицу выступили морщины, а мне только 20 лет.

Мы поговорили о наших недостатках. Отец мне сказал:

— Говорил тебе, Федя, не пишишь в эту организацию. Нет, не послушался — записался, и пеняй теперь на себя.

Я успокоил его, говоря, что я живу хорошо.

Придя в волком, на меня набросились с замечаниями секретарь волкома комсомола, что я долго пробыл у отца (я пробыл у отца только полсуток). Я с обидой и горечью в душе перенес это и ничего не сказал.

Я подавал заявление в ВКП о приеме меня в кандидаты уже полгода тому назад. Я еще не утвержден ЦК и губкомом и может быть анкета придет обратно под предлогом неправильного заполнения и пройдет еще год — я все еще не буду состоять в партии.

Когда я на одном из заседаний волкома комсомола начал говорить о том, что я перегружен работой, то мне секретарь ответил, что я ни с одной работой не справился на 100%, а посему я виноват, а ничуть не волком. И вот теперь я сяку, допьюсь до настоящих строк, на дворе мороз, мне нужно идти на занятие, а мне нечего обуть, а в разорванных ботинках холодно..

Я ни в коем случае не даю свое согласие на опубликование настоящего письма, потому что местный комитет будет искать оправдания в своих неправильных действиях и будет искать предлоги для обвинения меня и сочтут меня каким-нибудь эсером и исключат из союза.

Я только прошу редактора дать мне ответ на мое письмо и больше ничего».

В этом письме нет драматических фейерверков: ни самоубийства, ни преступных подлогов и растрат, ни вопиющего бюрократического безобразия — просто изображены серые, обыденные будни бюрократического безучастия к человеку. Скажут — при-

влеките к ответственности секретаря волкома. — За что? За то, что он, перегруженный работой, заваленный заданиями, не имеет возможности чутко и внимательно подойти к нуждам и запросам отдельного человека? За то, что он требует работы? За то, что он не может устроить на работу? Или, может быть, за то, что он «может» обвинить зря человека в эсерстве? За что же привлекать? И тем не менее безобразная, отталкивающая по своей суровости, невнимательность к человеку бьет в глаза. Дурацкое положение. «Формально не придерешься, а по сути дела — издевательство».

Где корни подобного невнимательного, бюрократически-поверхностного отношения? Их читатель может уловить из самого письма. Корни в нищете нашей, в недостатке работников руководства. Этот пример наглядно показывает, насколько глубоки корни, из которых растут бюрократические извращения.

Говоря об источниках бюрократизма в комсомоле, мы отметили социальную неоднородность. Однако, иллюстраций, прямо показывающих связь бюрократизма с этим явлением, мы не дали. Остается выполнить обещание. Комсомол не совсем свободен от чиновников. Есть иные — типичные потомки Молчалина, чей литературный портрет более сотни лет назад зарисовал Грибоедов. Безыдейное, формальное отношение к делу, угодливость и прислужничество — «он служит лицам, а не делу», способность пойти на все ради личных материальных благ — такова идейная суть молчалинства.

Задумайтесь над вопросом: откуда растет «комсомольский Молчалин», вы убедитесь, что дело тут, если смотреть в корень — в социальной неоднородности.

Характерно, что часто комсомольского Молчалина можно встретить в среде так называемых «прочих». Но было бы ошибочно думать, что нет комсомольцев с определенными задатками типичного бюрократа в рабочей среде.

Комсомол по своему составу неоднороден. Этим не сказано, что это какой-то Ноев ковчег, где каждой твари по паре, — нет. Социальный состав союза тщательно регулируется под углом зрения обеспечения пролетарского руководства. Но не это уничтожает и не должно уничтожать социальной неоднородности состава союза. В него входят рабочие, крестьяне, служащие и т. д.

Неоднородность эта в комсомоле выявляется несомненно гораздо рельефнее, нежели в других организациях рабочего класса. Это вполне закономерно, поскольку комсомол — организация молодежи, еще идейно не окрепшей, находящейся еще только на пути к выработкедельного коммунистического миросозерцания, которая ищет, учится, пытается глубже разобраться в противоречиях. Поэтому та часть молодежи, которая вышла из непролетарской или полупролетарской среды, не может быть вполне застрахована от того, чтобы не сбиваться иногда на походку той среды, из которой она выросла.

Если бы сняты ряд плотин, которые поставлены комсомолом в интересах правильного регулирования движения мысли молодежи разных социальных групп, бесспорно, мы бы имели несколько различных политических течений среди юношества, отражающих противоречивую пестроту нашего хозяйственного уклада.

Но комсомол, объединяя разные социальные прослойки, целым рядом организационных и идейных мероприятий, не дает возможности такого идейного дробления, всячески стремясь воспи-

тивать молодежь, несмотря на ее отличия в условиях жизни и быта, в духе общей единой пролетарской, коммунистической идеи.

Ничего искусственного, противоестественного, как это пытаются изобразить критики комсомола из вражеского лагеря здесь нет, ибо предпосылки для возможности такого воспитания, такой гегемонии пролетарского руководства созданы наличием диктатуры пролетариата и господством социалистических элементов в нашей экономике, под давлением и контролем которых переделываются остальные секторы советского хозяйства.

Нечего говорить, что воспитание такое связано с трудностями и рядом опасностей.

Не всегда противоречия между разным социальным составом или разными условиями быта и единством политической скорлупы организации находят правильное примирение.

Иногда они, скапливаясь, находят свое выражение в оппозициях. Иногда же эти противоречия находят своеобразное, нежелательное для нас, примирение. Одной из таких форм нежелательного примирения является бюрократически-молчалинское примирение. Лучшее всего это можно изобразить примером, который автору этих строк пришлось однажды выслушать.

Активный комсомолец Г. по происхождению интеллигент. В комсомоле работает несколько лет, часто перебрасывался, одним словом, работа среди молодежи сделалась уже основной профессией. Со времени нэпа живет в недурных условиях, получает сравнительно высокую ставку, имеет хорошую квартиру.

С рабочей молодежью почти не связан, если иметь в виду не эпизодическую связь — доклады, а прочные крепкие связи, дающие возможность, так сказать, вклиниться в рабочий быт и получать необходимые соки для своего собственного идейно-политического роста.

Это не могло не оставить следа в жизни Г. Замкнутые материальные условия дали себя почувствовать. На благодарной почве психологического разрыва с массами, отделения себя от них, как человека, имеющего большие запросы, которых масса понять не может, и имеющего к тому материальные возможности, — вырастает своеобразная теория свободы личности. Если очистить эту теорию от шлака, в роде всяких «однако», «но», «разумеется», «надо учитывать», — то в оголенном виде она будет выглядеть так:

Пусть каждый живет как хочет. Пусть один борется страстно за коммунизм, но нельзя мешать другому, который менее заинтересован в будущем, хотя и не против него, пользоваться всеми радостями жизни уже сейчас. Зачем обязательно надевать на него узду того распорядка, который принят в организации? Нужен индивидуальный подход.

Стержень теории ясен. Г. не понимает, что лучшие условия жизни ему организацией предоставлены не для того, чтобы лучше других наслаждаться удовольствиями, но для того, чтобы более энергичной и квалифицированной работой, которой можно добиться, живя в лучших условиях, помочь классу пробиться к цели.

Скат с революционных позиций в болото мещанского индивидуализма — таково существо подобной прямой и пустой философии. «Тот самый человек пустой, кто весь наполнен сам собой» — скажем словами поэта. Однако, Г. и не думает скатываться. Мало ли что говорится в минуты откровенности? Он может спрятать свое суждение: так, случайно, мол, выпала из общего «контекста».

Однако, прорвавшаяся наружу теория не случайна. Она свидетельствует о глубоких органических процессах. Как он относится к работе? Формально. Лишь бы отделаться. Как он относится к руководящим директивам, к ленинизму? Формально. Заучивает, а по сути дела и понимать не хочет — не из его оперы. На всякий случай в его голове дежурят цитаты, но стремления честно, критически перерабатывать все это — нет и в помине.

Он следует во всем совету отца Молчалина, как его изобразил Салтыков-Щедрин.

— А ты сначала наружно согласишься, а там, может быть, и внутреннее согласие придет.

Дисциплина, единство, подчинение директивам — все это в его голове переваривается очень своеобразно. Он не видит в этом путь организации людей для борьбы за сознательно поставленные цели, ему недоступно понимание того, что подчинение директиве не противоречит критической работе мысли. Для него все это звучит, как призыв к слепому, казенному повиновению, призыв, с которым он внутренне не согласен, но которому подчиниться все же приходится, ибо иначе хорошо не проживешь.

В итоге работа для него становится просто средством выколачивания средств для мещански уютной и комфортабельной жизни. У обывателя кроме службы есть какое-нибудь дело, которое он любит больше всего, в которое он вкладывает всю силу своей личной страсти и называет настоящим делом: у одного это ужение рыб, у другого поделка картонажей, у третьего «разумные» развлечения, когда человек, напившись в шишки, считает у себя пальцы на руках и ногах.

Так и у таких типов, подобно изображенным, есть свои настоящие, любимые дела, в разряд которых работа, конечно, не входит. Этим путем они находят выход тем противоречиям, которые создаются между ними и организацией. Ссылка на этот пример, разумеется, не исчерпывает всего разнообразия отдельных случаев бюрократического искривления. Но этот пример бросает свет на одну из причин бюрократической язвы. Отрыв от массы, при наличии сравнительно привилегированных условий жизни, ведет к обособлению себя, к осознанию каких-то особых запросов, находящихся в противоречии с интересами рабочего класса и в дальнейшем может идти по линии казенного приспособленчества, к формально-бездушной работе, которая становится лишь средством для организации узко-личной жизни. В итоге, как выражался Бухарин на 7-м съезде комсомола, «все по видимости будет, как следует: портфель, значок и прочие атрибуты коммунистической добродетели, но из него будет расти порядочная сволочь».

Вот почему так много смысла заложено в коротком лозунге союза «ближе к массам».

Уже одно выяснение источников бюрократизма в комсомоле в значительной степени определяет и способы борьбы с бюрократическими тенденциями.

Недостаточное развитие производительных сил, выражающееся в наличии мелкого производства, в нашей нищете и отсталости, — вот что лежит в основе бюрократических извращений организаций Советского Союза. Путем индустриализации наше государство преодолевает эту первососнову бюрократических извращений. Каковы в связи с этим задачи комсомола? Они сводятся к

энергичной помощи Советскому государству и партии в проведении директив о режиме экономии, к привлечению широчайших слоев молодежи, к поднятию производства, к развертыванию в самых широких масштабах работы по производственному воспитанию молодежи. Эти задачи составляют центральные задачи комсомола. В том и состоит сейчас в основном суть комсомольской демократии, чтобы привлечь к выполнению этих задач каждого комсомольца, чтобы растущей активности молодежи найти применение в конкретном деле хозяйственного социалистического строительства.

Опыт ленинградских товарищей по созданию бытовых групп и ядер заслуживает в этом смысле большого внимания. Бытовые группы — это вполне добровольные товарищества хорошо спевшихся между собою комсомольцев, которые заняты конкретным, живым, для всех участников их интересным и понятным делом доподлинной борьбы за новый быт, за культуру, за улучшение нашего хозяйства. Самые неактивные товарищи благодаря бытовым группам вовлекаются в работу.

Очень многие понимают внутрисоюзную демократию, как свободу дискуссий и споров. Между тем, не в этом суть комсомольской демократии на теперешней ступени развития. Дело обстоит гораздо глубже и серьезнее. Борьба между капитализмом и социализмом сейчас решается деловой практической работой на хозяйственном фронте.

Низкий культурный уровень широких масс — таков второй корень бюрократических извращений. Усиление культурной работы, развитие и укрепление сети школ для рабочей и крестьянской молодежи, всяческое поощрение технических кружков, постановка политической учебы, изучение ленинизма, более энергичное вовлечение рядовых комсомольцев в работу комитетов союза, выдвижение, — таковы задачи союза в деле повышения культурного уровня молодежи.

Социальная неоднородность — таков третий корень бюрократических извращений. Здесь дело сводится, прежде всего, к тому, чтобы всеми мерами укреплять пролетарское руководство, в частности проводить энергичней в жизнь лозунг о вовлечении всей рабочей молодежи в комсомол, воспитывать рабочее ядро в духе правильного понимания им своих задач в рабоче-крестьянской по составу организации, как части класса-гегемона. Задача заключается в том, чтобы на основе внимательного, чуткого, учета запросов и потребностей отдельных групп молодежи обеспечивать все условия для перевоспитания этих слоев в коммунистическом духе.

Далее важно, как это было выяснено в статье, укрепление связи с массами работников комсомольского аппарата. Путем развития внутрикомсомольской демократии необходимо обеспечить контроль и критику масс работы комсомольского актива. Из одного перечисления этих задач читатель может убедиться, что так же, как в масштабе всей страны задача борьбы с бюрократизмом совпадает с задачами социалистического строительства, так в комсомольском масштабе задачи борьбы с бюрократическими тенденциями совпадают с общими центральными задачами комсомола.

Разумеется, преодоление этих условий, из которых растет бюрократическая опасность, составляет задачу десятилетий. Об этом не раз предупреждал Ленин. Было бы, однако, странным и смешным, ссылаясь на десятилетия, не проявлять должной энер-

гии в борьбе с бюрократическими тенденциями. Если мы не будем кончать каждый год с балансом в пользу социализма, мы бюрократизма не одолеем. Ильич требовал, что «крайности бюрократизма надо исправлять сейчас» (Ленин, т. XX, ч. II, стр. 443). Это означает для комсомола, чтобы он, проводя систематическую расчитанную на ряд лет работу по ликвидации условий для появления бюрократических извращений, не забывал энергично бороться с крайностями бюрократизма уже сейчас. Необходимо выдвигать отдельные чинуш, высмеивание их через печать, снятие с работы, воспитание на этой почве общественного комсомольского мнения против бюрократизма и т. д.

Нечего говорить, что такая постановка вопроса о методах борьбы с бюрократическими извращениями вытекает из предварительного признания того факта, что ни Советское государство, ни партия, ни комсомол не переродились, не стали псевдонимом бюрократизма, и что они имеют возможность и необходимые данные для того, чтобы окончательно преодолеть имеющиеся налицо бюрократические извращения.

Другая постановка вопроса вытекает из положений оппозиции.

Оппозиция, если принять во внимание ее заявления о «далеко не пролетарском характере нашего государства» (Троцкий), о том, что политика этого государства «расходится с интересами широких рабочих масс» (Каменев), ее обвинение с трибуны ИККИ в правом уклоне (брошенное ВКП), — исходит из уже якобы свершившегося факта бюрократического перерождения нашего государства и партии.

Оппозиция, если принять во внимание ее теорию о невозможности строительства социализма в одной стране, исходит из невозможности для России собственными силами решить проблему ликвидации бюрократизма.

Естественны поэтому со стороны оппозиции та оценка комсомолу и те выводы о работе комсомола, которые нашли свое отражение в заявлении на июльском пленуме ЦК и ЦКК.

«Тяжелее всего, — говорится в этом заявлении, — бюрократический режим отзывается на жизни рабочей и крестьянской молодежи. В обстановке непа молодежи, не знающая опыта старой классово-борьбы, может развиваться до большевизма только путем самостоятельной работы мысли, критики, проверки. О необходимости особенно внимательного и бережного отношения к идейным процессам в молодежи не раз предупреждал Владимир Ильич. Бюрократизм, наоборот, берет развитие молодежи в тиски, загоняет сомнения внутрь, подсекает критику и этим сеет неверие, упадок, с одной стороны, карьеризм — с другой. В верхушке союза молодежи бюрократизм получил за последний период чрезвычайное развитие, выдвинув немало чиновников из молодых, да ранних. Отсюда все большее вытеснение из кадров союза молодежи пролетарских, батрацеских, и бедняцких элементов интеллигентскими, мещанскими, которые легче приспособляются к потребностям руководства из канцелярии, но дальше отстоят от рабочей и низовой крестьянской массы. Чтобы обеспечить надлежащую пролетарскую линию в комсомоле не менее, чем в партии нужен поворот руля в сторону демократизации, и создание таких условий, в которых молодежь будет и работать, и думать, и критиковать, и решать,

поднимаясь к революционной зрелости под бережным руководством партии».

Прежде всего в этом заявлении обращает внимание клеветнический вывод о вытеснении из кадров союза пролетарских, батрацких и бедняцких элементов интеллигентскими, мещанскими. Право, эта клевета не уступает тем, которые фабрикуются за границей. Какая сорока на хвосте принесла такие сведения? Стоит заглянуть в сборник Стат. Отдела ЦК комсомола после XIV партсезда, чтобы в этом убедиться.

Приведем оттуда несколько данных.

Вот, например, изменения в составе членов губкомов, обкомов, крайкомов ВЛКСМ и ЦК нацреспублик с 1 января по 1 апреля 1926 года в процентах.

	Рабоч.	Крест.	Служ.	Проч.
На 1 января 1926 г.	49,2	29,6	21,2	—
На 1 апреля 1926 г.	50,3	29,5	20,2	—

Или изменения в составе бюро ф-з. ячеек.

	Рабоч.	Батр.	Крест.	Служ. и пр.
На 1 октября 1925 г.	82,5	0,5	4,8	12,2
На 1 апреля 1926 г.	82,6	1,4	44	11,6

А также изменения в составе членов бюро дер. яч.

	Рабоч.	Батр.	Крест.	Служ. и пр.
На 1 октября 1925 г.	6,3	6,7	79,4	7,6
На 1 апреля 1926 г.	6,5	10,8	74,8	7,9

Эти цифры что-то совсем не похожи на утверждение оппозиции.

Если пройти мимо этой клеветы, то останется красивая фразеология о внимательном и бережном отношении к идейным процессам в среде молодежи, о необходимости самостоятельной работы мысли, критики, проверки и т. д.

Надо, однако, подходить к такой фразеологии не с формально-абстрактной точки зрения, ибо абстрактно, конечно, и внимание к идейным процессам, и самостоятельная работа мысли, и критика — вещи блестящие, и странно было бы выступать против них за невнимание, за несамостоятельность. За отсутствием критической мысли и проч. надо подходить к такой фразеологии иначе, с точки зрения того реального, конкретного объективного содержания, которое в них заключено.

Ведь и меньшевики ратуют против казенщины, за самостоятельную критическую работу мысли и т. д. Самостоятельно по их мнению то, что льет воду на мельницу меньшевизма, а если воспитывают коммунистов так это черт знает что такое: режим слепого повиновения, вытравление из комсомольцев живой души, превращение комсомольцев в автоматы, с готовыми казенными ответами на все явления окружающей жизни и т. д., и пр.

Важно всегда понимать, какой объективный смысл кроется за словами, а не фетишизировать их.

А объективный смысл оппозиционной фразеологии партией вскрыт до конца.

Тов. Сталин в следующих словах определяет этот смысл. «Не может быть сомнения, — говорит он в заключительном слове на

пленуме ИККИ,—в том, что ежели мы не можем строить социализм, а революция в других странах затягивается, между тем как капитал у нас растет так же, как растет «сращивание» нашего народного хозяйства с мировым капиталистическим хозяйством — *то с точки зрения оппозиции* остаются только два выхода:

а) либо остаться у власти и проводить политику буржуазной демократии, участвовать в буржуазном правительстве, проводить, стало быть, «миллеранизм»,

б) либо отойти от власти, чтобы не переродиться и на ряду с официальной партией образовать общую партию, чего собственно, и добивалась и продолжает добиваться наша оппозиция.

Теория двух партий, или теория новой партии есть прямой результат отрицания возможности строительства социализма, прямой результат перспективы перерождения.

И тот и другой выход ведут к капитулянству, к пораженьчеству...

...Вопрос стоит так. Если мы не можем строить социалистическое хозяйство, то диктатура пролетариата, идя на все более и более серьезные уступки буржуазии, должна будет переродиться и полестись в хвосте за буржуазной демократией.

Могут ли коммунисты согласиться вести буржуазную политику при перерождающейся диктатуре?

Нет, не могут и не должны.

Отсюда выход: отойти от власти и создать новую партию, очистив дорогу, реставрирующемуся капитализму.

Капитулянство, как естественный результат нынешней позиции оппозиционного блока, — такой вывод».

Под лъстивыми словами о самостоятельной работе мысли, бережном подходе к молодежи крется капитулянство. Если в отношении партии идеология оппозиции ведет к системе двух партий, то в отношении комсомола это ведет к созданию новой организации молодежи, которая взяла бы на себя задачу защищать действительные интересы рабочих и бороться против якобы переродившегося комсомола. Напрасно рассчитывать, что эта капитулянтская идеология может заразить широкие массы молодежи.

Пусть в нашем корабле пробоины, пусть подстерегают его подводные камни, мели и рифы. Есть силы ликвидировать эти пробоины. Есть подзорные трубы, чтобы видеть опасность.

Под гордо развернутыми парусами наш корабль придет к цели, подгоняемый сильным попутным ветром истории.

На новых началах

(О добровольном принципе построения физкультурной работы)

Все, которым прямо или косвенно приходится сталкиваться в последнее время с физкультурным движением сходятся в одном: в практике движения есть какие-то серьезные недостатки, крупные пробелы, которые не только тормозят дальнейшее развитие физкультуры, но и оттягивают движение назад от достигнутого за последние годы положения.

Наглядные признаки и доказательства этого — замедление роста числа физкультурников, «мертвячина» в кружках, их замирание.

При общем росте интереса к физкультуре, мы все же сталкиваемся с наличием и развитием так называемого «чистого» спорта, падением интереса к физкультурным кружкам, дебоширством и шарлатанством (избиение судей, недисциплинированность, небрежное отношение к спортивному инвентарю и т. д.).

Какие же причины создают и уже частично создали подобное положение? В чем первопричина всех физкультурных бед?

Ответ на это один. Физкультурное движение на настоящем его уровне переросло уже свои старые, еще и доселе существующие организационные формы, эти последние задерживают, тормозят, мешают развитию движения.

Попытаемся доказать это. Начнем с кружков физкультуры. При внимательном рассмотрении, мы увидим, что в кружках большинство физкультурников занимаются *только* физическими упражнениями, в развитии же другой, не менее важной работы кружка, скажем, в пропаганде физкультуры и особенно в увязке занятий кружка с общественной работой, — в этом члены кружка не принимают почти никакого участия. Иначе говоря, в это дело широкие массы физкультурников не втянуты. Таким образом, несмотря на общий культурно-политический рост молодежи, несмотря на развитие ее активности, которая ищет себе приложения, несмотря, в частности, на то, что этот рост задел немалые пласты физкультурников, — последние достаточного удовлетворения в физкультурном движении не находят.

Отсюда две опасные тенденции. *Первая тенденция* заключается в отрыве физкультурников от общественно-политической жизни, в выработке людей с узко-цеховым кругозором, иначе говоря людей физически здоровых, но оторванных от общественной жизни. *Вторая тенденция* заключается в следующем: физкультурник, получивши в кружке ряд элементарных навыков в занятиях физкультурой, тем не менее определенной работой с кружком не связан, активность его не находит достаточного удовлетворения

и поэтому такой физкультурник мало по малу от движения отрывается, физкультурой занимается самостоятельно, вне кружка, и в конце-концов заражается болезненными, отрицательными настроениями, в частности — хулиганством. Обе эти тенденции несомненно существуют и развиваются. Это приводит к уменьшению числа физкультуркружков. За последнее время почти совершенно приостановился их рост. Некоторые пытаются объяснить последнее обстоятельство *общим* понижением интереса к физкультуре. Это неверно уже по одному тому, что сейчас при сокращении количества кружков и их участников параллельно этому процессу происходит рост так называемых «диких» физкультурников. Это свидетельствует об интересе к физкультуре вообще.

Очевидно причины замирания работы кружков и резкого замедления их роста кроются в чем-то другом.

Перейдем теперь к рассмотрению системы построения руководящих органов — СФК.

От того, как поставлено руководство, во многом зависит работа кружков. Поэтому нам нужно детально просмотреть в какой степени существующее руководство способствует развитию и улучшению работы низовых ячеек физкультурдвижения, способствует ли оно этому вообще или, наоборот, мешает?

Главным руководящим органом физкультурдвижения у нас являются Советы Физической Культуры, которые назначаются из представителей различных ведомств, так, или иначе заинтересованных в физкультурработе. Заметим, между прочим, что в СФК нередко посылаются люди, не имеющие никакого отношения и даже интереса к физкультуре, зачастую перегруженные другой работой, которая не дает им возможности активно участвовать в СФК.

Роль СФК сводится к направлению физкультурработы ведомств, при которых организуются физкультуркружки. Формально, иначе говоря, роль эта сводится к руководству движением в целом. Тем не менее достаточной полноты власти СФК не имеет, и их решения в большинстве случаев указанными ведомствами не проводятся. Советы лишены возможности контроля над выполнением своих решений, поскольку кружками непосредственно руководят те или иные общественные организации, которые в подчинении СФК не состоят. Правда, все намечаемые календари, планы работ формально согласовываются с СФК, но в случае, если даже СФК с ними не согласится, та, или иная организация, иногда во вред всему движению, все же приводит свое, этим самым сводя на-нет роль СФК. Фактически это создает разноречивую, распыленную и раздробленную в руководстве физкультурдвижением. Во всяком случае, такая опасность, и реальная опасность, существует. Фактически единого стройного и централизованного руководства движением нет, так как одной частью движения руководит СФК, другой — различные общественные организации и учреждения. Такой разноречивой, такой бессистемной, децентрализованной в руководстве приводит к ослаблению роли СФК и комсомола, что соответственным образом отражается на работе кружков.

Но, может быть, ведомственную неурядицу можно уладить и СФК превратить в единственный, действительно руководящий орган физкультурдвижения? Но в том-то и дело, что сейчас этого сделать нельзя. Дело в том, что ослабление руководящей роли в физкультурдвижении СФК вызвано не только ведомственными неурядицами, которые мы отметили выше, но и другими причинами. СФК,

Будучи руководящим органом, строит свою работу преимущественно по линии научно-методической, а не организационной, непосредственно с массами он не связан. Часто отдельные организации даже не допускают представителей СФК в кружки. В силу такого положения СФК не имеет возможности контролировать выполнение своих директив. Фактически, таким образом, массы физкультурников оторваны от СФК, и, наоборот, эти последние оторваны от масс.

Могут спросить: зачем же тогда создавали советы физкультуры? Ответ на это напрашивается сам собой. СФК создавались тогда, когда физкультурное движение в широком смысле этого слова только-только начинало развиваться. Отдельные организации и учреждения в то время еще не принимали сколько-нибудь активно участия в движении, — все руководство последним принадлежало исключительно и всецело СФК. Наконец, совершенно очевидно, что по своему типу и по своим размерам физкультурдвижение *тогда* было гораздо проще и уже чем *сейчас*. Только сейчас, когда мы имеем широко развернувшееся движение, когда возросли потребности и активность членов кружков, требующие особенной гибкости и умелого руководства, когда усилилась в связи с этим физкультурная работа различных организаций, — только сейчас становится ясным, что нам необходимо создать единый, гибкий, не только научно-методический, но и организационный руководящий центр физкультурдвижения.

Коренной реорганизации требует не только руководство кружками, но и внутреннее руководство в кружках. Здесь в этом отношении дело обстоит не лучше, чем в отношении руководства кружками. Многие, например, ссылаются на факт выборности бюро кружков. Но, во-первых, бюро кружков зачастую также назначаются, а во-вторых, если они и выбираются, то также по принципу представительства организаций, что заведомо обрекает такой кружок на бездеятельность, казенщину и подавление самостоятельности. Таким образом, рассматривая структуру кружков, мы также приходим к тому выводу, что существующие оргформы физкультурдвижения должны быть изменены. Культурно-политическая и общественно-политическая активность молодежи растет изо дня в день. Последний пленум ЦК ВЛКСМ высказался, что «настоящая полоса развития ВЛКСМ попрежнему характеризуется продолжающимся ростом общественно-политической активности, культурно-бытовых и экономических запросов пролетарской и крестьянской молодежи». Физкультурдвижение должно вместе с другими формами воспитания молодежи развивать эту активность, реализовать ее. Как мы показали выше, такое развитие активности при существующих формах физкультурдвижения не только не возможно, но и может вылиться в нежелательные для нас русла — пьянство, хулиганство и т. д.

Все вышеизложенное базируется в основном, конечно, на практике работы *городских* физкультурных организаций. В *деревне* несколько иное положение. Местами сейчас мы отмечаем стихийный рост физкультуркружков или, правильнее, спорткружков в деревне. Эта тяга в кружки происходит, главным образом, за счет молодежи, при чем рост этот обнаруживает тенденцию к увеличению, так как интерес населения к физкультуре с каждым днем повышается. Подтверждением этого могут служить примеры выделения отдельными деревнями земли для площадок, леса для постройки ворот

на футбольном поле, коллективная покупка спортивного инвентаря, посещение крестьянами матчей, обсуждение в некоторых сельсоветах вопросов физкультуры и проч. Однако, если в чрезвычайно тяжелых условиях деревенской нужды физкультура смогла отвоевать себе почетное место, то это нужно отнести почти целиком к заслуге самих физкультурников, и, прежде всего, энергии комсомольцев. Кружок физкультуры в деревне, не имея сколько-нибудь реальной материальной базы и помощи, принужден сам себе добывать средства. Казалось бы такая большая инициатива масс молодежи есть здесь, но именно потому, что эта инициатива никем не руководится, не направляется и не контролируется, возникает серьезная опасность захвата руководства физкультуркружками, растущей активностью молодежи — социально чуждыми нам элементами.

Вот что, например, сообщает по этому поводу Костромской губком комсомола: «В селе Красном развит спорт, имеется до 18 футбольных команд. Это движение с самого начала прошло мимо комсомола и испало под крылышко местной буржуазии. Попечителями спорта являются как раз наиболее видные, проницательные и имеющие за собой кое-какой опыт торговли. Они, примерно, говорят так: «Вы будто бы вызывали команду, а деньги у вас есть? Пиво, хлеб, колбаса у вас есть? Если нет, то мы вам поможем только бы по настоящему все прошло». Дальше в том же сообщении говорится: «Нужно сказать прямо, что торговцы очень удачно и крепко взяли под свое влияние футбол».

Из таких же команд выходят организации подобные КЕШО (Крестьянская Единая Шатля Оболдуев), имеющая свою идеологическую установку.

Приведенный пример ярко показывает, что если и в дальнейшем в деревне будет такое же руководство физкультурдвижением, как мы имеем сейчас, то значительные слои физкультурников будут заражены чуждыми нам влияниями и противопоставлены комсомолу.

Некоторым вздумается приписать нам, что мы якобы защищаем наличие большей активности крестьянской молодежи, чем у рабочей. Наоборот, мы считаем, что как вообще, так и в области физкультуры политактивность рабочей молодежи выше активности крестьянской молодежи. Но все дело заключается в том, что в деревне давление существующей системы физкультурной работы ощущается меньше чем в городе, поэтому внешне активность там проявляется ярче и нагляднее.

Мы также не разделяем того взгляда будто бы за последние годы физкультурная работа не развивалась, а шла по нисходящей линии. Такой вывод ошибочен. Достижения в физкультурном движении есть, и достижения большие, но это не мешает нам прямо и резко ставить вопрос об имеющихся недостатках, к тому же проявляющих тенденцию роста.

Мы вплотную подошли к вопросу — как же изжить те недостатки, которые мешают или могут мешать успешному росту физкультурного движения? Конечно, только решительными и радикальными мерами, а не половинчатыми, которые нам называют. Вносятся, например, предложение об организации спортивных клубов, о выборности бюро физкультуры при профсоюзах — все это в лучшем случае — полумеры. Радикальной же мерой обеспечивающей наиболее безболезненный выход из создавшегося положения, должен быть переход к добровольной общественной физкультурной организации, т. е.

к такой организации, которая бы обеспечила физкультурникам выборность своих руководящих органов.

Что несет с собой переход к такой организации? Изменит ли он отношение физкультурников к движению? Конечно, ибо общеизвестно, что ничто так больше не способствует развитию инициативы, самостоятельности и активности, как выборность. Это же в свою очередь будет способствовать к замене устаревших, изживших себя форм физкультурной работы новыми формами — более жизненными и интересными.

Улучшит ли переход к добровольной физкультурной организации руководство движением? В этом не может быть никаких сомнений, так как выборные органы будут подотчетны прежде всего перед массами физкультурников, а это — самая лучшая система, обеспечивающая правильную постановку руководства, его улучшение, его приспособление к потребностям масс. Она сведет на-нет, положит конец тому разброду и неразберихе в руководстве, которое существует сейчас, и заставит КСМ и профсоюзы усилить свое влияние на физкультурное движение.

Таким образом, переход к принципу добровольного физкультурного объединения удалит все препоны, задерживающие развитие физкультурной работы, развяжет активность масс, перестроит систему руководства, приспособит его к задачам движения и возросшим потребностям масс, — в общем явится той единственной формой, которая действительно обеспечит развитие физкультуры вперед большими шагами.

Однако, не следует забывать того, что в общем совершенно положительный переход к добровольному объединению может иметь свои минусы и большие опасности.

Первая и основная опасность заключается в том, что физкультурное единение, имеющее в своих рядах кадры молодежи, может превратиться по сути дела в параллельную комсомолу политическую организацию молодежи. Тем не менее эту опасность можно устранить и преодолеть гораздо легче, чем опасности отхода рабочей молодежи от физкультурного движения, так как в самой схеме построения этого добровольного общества заранее подразумеваются такие элементы, которые обеспечат устранение указанной опасности. Конкретно: эту опасность можно устранить активным и руководящим участием комсомола и рабочей молодежи в этом обществе, что позволит создать такой руководящий орган добровольного физкультурного общества, который бы не на словах, а на деле обеспечивал здоровое пролетарское влияние и руководство.

Организация добровольного физкультурного общества поможет, наконец, осуществить руководство деревенскими физкультурными организациями.

Кроме опасности создания параллельной комсомолу политической организации молодежи, в связи с организацией добровольного физкультурного общества, возможна и другая, тоже очень важная, опасность. Эта опасность проявляется в тенденциях создания физкультурных обществ, по примеру Запада, по отдельным, специальным видам спорта, что, разумеется, внесет распыленность и децентрализацию в физкультурное движение. Этим тенденциям нужно объявить борьбу, так как поощрять их значит поощрять развитие одной области физкультуры за счет ее другой области. Система физкультуры, как и до сих пор, должна быть единой. Вот почему мы вы-

сказываемся за создание такого добровольного физкультурного общества, которое бы объединяло в себе *все виды* физкультуры.

Последний вопрос, который вызывает некоторые недоумения и сомнения — это вопрос о *материальной базе* добровольного физкультурного общества. Некоторые, например, полагают, что в связи с переходом к добровольному обществу мы должны отказаться от различных государственных и общественных субсидий и перейти исключительно на членские взносы членов общества. Такая постановка вопроса безусловно ошибочна. Ясно, что ни государственные учреждения, ни общественные организации не должны ослаблять своего влияния и руководства физкультурным движением после перехода его на принципы добровольчества. Материальная же поддержка в значительной степени будет способствовать их влиянию на движение.

Конечно, кроме этой официальной помощи добровольное общество одним из своих материальных источников будет иметь также и доходы от соревнований, членских взносов и проч. Поэтому очень может быть, что свою помощь правительственные и общественные организации будут оказывать только первое время.

На пути к организации добровольного общества могут встретиться еще и другие непредвиденные трудности и опасности, но это не должно нас пугать, так как, как бы ни велики были эти трудности, поддержка государства, общественных организаций и самих масс молодежи в этом деле обеспечена.

Последний пленум ЦК ВЛКСМ ясно учел все положение и в качестве одной из директив развития физкультурного движения наметил переход к добровольному физкультурному обществу.

Вот почему нужно сейчас же, не откладывая в долгий ящик, приняться за подготовку к его организации.

Для этого нужно прежде всего создать широкое общественное мнение в пользу добровольного общества как среди профсоюзов и комсомольцев, так и в первую очередь среди физкультурников.

Эта подготовка должна пройти под знаком усиления внимания ВЛКСМ и профсоюзов физкультурной работе.

Используя СФК, эти последние должны разработать совместно с ним детальный план перехода к ДОФК, выявить наиболее активных физкультурников, которых затем вовлечь в руководящие органы общества и постепенно перестраивать организацию, приступить к окончательной перестройке ее лишь после того, как успешность такого перехода будет полностью обеспечена.

Руководящие органы партии, комсомола, профсоюзов и СФК должны учесть всю необходимость перехода физкультурного движения на новые, добровольные начала и разработать на этот счет свои практические директивы.

Кино и комсомол

Кино, проникающее теперь в самые далекие дебри Советского Союза, даст нам возможность с лучшими силами, средствами, просвещать наиболее широкие слои трудящихся и, в частности, трудящейся молодежи.

Именно потому, что мы бедны, мы обязаны выбирать лучшие средства пропаганды при наименьшей, в конечном счете, трате средств и сил, дающие наибольший эффект.

Минимум затраты средств при максимальном эффекте — таков лозунг, такова задача нашего советского кино.

Кто является главным посетителем кино? Ответ один. Главным посетителем кино как в России, так и на Западе, является молодежь. Эта последняя в своей массе при выборочном обследовании показала, что она на 61,8% больше любит кино, чем театр, 17,3% молодежи одинаково любит театр и кино и лишь 20,9% больше любит театр (Вайншток и Якобзон «Кино и молодежь», ГИЗ, 1926 г.).

Кино в десятки, сотни раз больше распространено, чем театр, оно портативнее, оно обслуживает в сотни раз больше народу, чем книга, журнал и т. д. Кино дешевле и театра и книги.

При изыскании новых форм, культурной и политико-просветительной работы, комсомол не может обойти такое мощное орудие пропаганды, как кино. Очередь за кино. Страна технически растет и, не овладевая наиболее совершенным и наиболее близким в обыденной жизни молодежи способом перевоспитания ее, комсомол будет отставать. Мы пришли к такому моменту, к развитию политико- и культурно-просветительной работы комсомола, где без наиболее живых и технически высоких (тут и радио, но не о нем речь) методов работы обойтись нельзя. Повторяем, что после того, как комсомол стал руководить, учиться руководить почти всеми формами культурно-просветительной работы, область кино до сих пор комсомолом совершенно не завоевана, а обстоятельства, вся обстановка требуют немедленной и широкой работы комсомола в области кино.

Каков вывод отсюда? Создавать собственные кино-производственные организации как главную задачу или использовать то, что есть, и таким образом, быть более экономными во всех отношениях? Заново приобретать опыт или брать, поскольку он есть, готовый и дальше развивать его по нужному нам пути?

Очевидно, что идти надо по пути большей экономии сил, не создавая параллелизма, не тратя напрасно средств, сил, используя то, что есть, совершенствуя коллективную работу взрослых и молодежи. Нужно использовать тот аппарат, который сейчас имеется. Опыт показал, что это использование готового аппарата

вполне возможно и целесообразно. Этот опыт, примеры из него, мы возьмем хотя бы из жизни московской организации союза (конечно, примеров десятки и в других организациях) в области издательской и профессионально-технической работы комсомола.

В 1923 г. при Издательстве «Новая Москва» был организован вначале с большими трудностями, юношеский сектор. *Опираясь на организацию*, под руководством МК, живя живой связью с комсомолом, юнсектор в сравнительно короткий срок совершенно изменил облик издательства. Из маленького, обслуживающего узкие круги советской интеллигенции издательства, последнее превратилось на 75% в массовое комсомольское издательство, с увеличением втрое издательской продукции, с расширением книгопроизводящей сети, со связями на заводах, деревенских ячеекх и т. д.

Почему это случилось? Потому, что комсомол знал запросы молодежи, учел эти запросы. *Благодаря союзу* появился организованный спрос на книгу. Через комитеты, по их рекомендации ячейки связывались с возникшими комсомольскими книжными магазинами, организовано закупали книги, организовано пропагандировали их и тем самым обслуживали широкие слои рабочей и крестьянской молодежи. Мало того, комсомол не только придвинул книгу к молодежи, но и, наоборот, приблизил, «приобщил» молодежь к книге. Под руководством МК, на различных заседаниях, как рабочей, так и крестьянской молодежи, специальных заседаниях заведующих комсомольскими библиотеками, обсуждался редакционный план, проверялись выпущенные книги. МК учитывал этот опыт и в связи с ним давал новые задания юнсектору. Комсомолу удалось, а это весьма существенно, организовать общественный контроль над этой работой.

Вероятно, были ошибки, потом учтенные всей организацией. Но эти небольшие промахи тонули в массе полезного дела, проведенного юнсектором. По его примеру появляются секторы в других издательствах (ГИЗ, Пролетарий, Прибой) и постепенно вместе и во главе с «Молодой Гвардией» комсомол стал широко обслуживаться книгой. Но одна «Молодая Гвардия» не смогла бы только своими силами эту работу выполнить.

Такая же картина была в 1923 г. в Москпрофобре, Губполитпросвете и других учреждениях. И здесь приходилось «завоевывать», «ломать», заново организовывать, проводить свои идеи по фабзавучу, по клубам, по избам-читальням и т. д. и т. д. Комсомол и в этих областях проделал громадную, еще не полностью учтенную всей организацией работу.

Организация сумела выделить людей, проверить и учитывать их работу, помогать и руководить ими. И стало много спецов там, где раньше об этом и не мечтали. А работа проводилась на основе аппаратов данных учреждений, под общим руководством и партии и комсомола. Вначале недоверчивые настроения, а иногда даже враждебное отношение сменилось дружной и коллективной работой аппаратов данных учреждений с комсомолом.

Характерно и то, что многих представителей комсомола уже не отпускали больше соответствующие учреждения с этих работ, что они по 3—4 года, до сих пор работают в соответствующих областях.

Конечно, все это сделалось не сразу, были трудности, которые, однако, комсомолу удалось преодолеть.

Вот опыт, жизнью проверенный, который показывает, что комсомол и в области удовлетворения молодежи кино должен пойти тем же путем. Это целесообразнее, это выгоднее — использовать готовый советский аппарат. Партия в этом отношении комсомолу поможет, а людей этот последний найдет.

Такое положение, когда мы проводим не только нужное для комсомола и для партии дело по воспитанию широких слоев рабочей и крестьянской молодежи, но и поставляем новые красивые кадры работников, срастающихся, специализирующихся в соответствующих областях и, одновременно живущих жизнью союза и партии, — в высшей степени выгодно и партии, и комсомолу, и этим учреждениям, в данном случае Совкино, ВУФКУ, Госкинопром-Грузия и др.

Что получают эти учреждения? Во-первых, точный проверяемый учет запросов рабочей и крестьянской молодежи. Во-вторых, приближение, на основе вышеизложенного, молодежи к кино и, наоборот (через комитеты, печать, кружки, ячейки, клубы, сельхозкружки). В-третьих, организованный спрос на фильмы. В-четвертых, новые кадры преданных делу людей, новые кадры красных специалистов. В-пятых, новых сценаристов, новые темы (это неизбежно появится, когда будет существовать «юнксатор» в кино). В-шестых, организованную помощь всего комсомола в киностроительстве.

Переговоры о сотрудничестве ведутся ЦК ВЛКСМ с Совкино. Но эти переговоры, к нашему большому сожалению, еще не дали благоприятных результатов. Жаль. Очень жаль зря пропускать в высшей степени ценное время.

Задачи комсомола в киноорганизации — дать кинокартину молодежи. Это — первая основная задача. Учтя запросы молодежи, суметь сгруппировать вокруг себя, вокруг комсомола людей, использовать старых специалистов, выдвигать новых, выдвигать молодежь — такова вторая задача. Комсомольская печать в этом отношении должна помочь кино, должна помочь выявлению запросов молодежи, должна помогать, вместе со всей организацией, возбуждать общественное мнение по поводу тех или иных достижений кино.

Нужно через работников комсомола в кино выдвигать снизу молодяк, орабочить кино-мастерские, привлечь общественное мнение в эту сторону, принять активнейшее участие в ОДСК, учиться и учиться у создателей таких гигантов, как «Броненосец Потемкин», «Матъ», «Шестая часть мира» и «Крылья холопа» — это третья задача.

Нужно помочь продвижению киноустановок в деревни, клубы, школы, пионер-отряды — это четвертая задача.

Нужно удешевить кино, удешевить билеты и тем самым привлечь еще больше молодежи в кино. — это пятая задача.

Нужно создать организованный спрос и продвижение кинофильм — это шестая задача.

Нужно уметь и осторожно подбирать сценарий, темы для сценариев, проверять их десятки раз, прежде чем делать картину. Нашим принципом в этой области должен быть наш старый и вечно новый лозунг — лучше меньше, да лучше. Лучшие люди, наиболее талантливые люди должны делать комсомольскую картину. Никакая халтура при нашей бедности абсолютно недопустима.

Нужно создать фильм с героикой будней, строительства, победы техники, пропаганды сельхоззнаний, индустриализации, про-

фессионально-технического содержания, помогающей рабочей и крестьянской молодежи повысить свою квалификацию, свои знания. Надо приблизить кино к школе. Огромные запросы молодежи в области технических знаний, громадная нужда в таких картинах со стороны школьных и внешкольных организаций гарантирует рентабельность таковых.

Теперь еще один вопрос, имеющий разных истолкователей. Есть ли и может ли быть комсомольский фильм? Это во-первых. А во-вторых, будет ли он рентабельным? На оба вопроса мы отвечаем утвердительно.

Так же, как существует комсомольская книга (существование которой прежде многие «умные люди» оспаривали), комсомольская политшкола, комсомольские методы и формы политико- и культурпросветительной работы, — так же неоспоримо существование комсомольского фильма.

В чем отличие книги для молодежи от книги для взрослых? а) В большей конкретности изложения, поскольку молодежь мыслит больше конкретно, чем абстрактно; отсюда изложение индуктивное; б) в предоставлении материала, который может молодой читатель проверить в жизни, опыта, которого, у него меньше, чем у взрослого; в) в большей иллюстративности, завлекательности фабулы, изложения, размеров и т. д.; г) в оперировании фактами, которые известны *данному* возрасту и на основе их дача новых познаний. В силу накопления большей энергии в организме подростка, необходимости выводных каналов для этой энергии, проявляется любовь к движению, динамике, героике; в силу развивающихся инстинктов приспособления — любознательность, жажда к неведомому, к расширению своих знаний (опять таки от частного к общему, динамика, героика, увлекательность и т. д., и т. п.); требование большей доказательности. Наконец, надо учесть то положение, что современный подросток не видел, не испытал капиталистического режима, что испытал и видел взрослый. Этот момент нельзя не учитывать в нашей пропагандистской работе.

Приспосабливаясь к этим особенностям (мы их тут не можем исчерпать — это не входит в нашу задачу) молодежи, комсомол создает свои формы политико- и культурно-просветительной работы.

Все сказанное почти целиком относится к кино. Опыт работы в последнем даст нам новые данные, новые факты, которые удастся обобщить и сделать новые интересные выводы.

Значит ли сказанное, что взрослые не могут смотреть хорошо сделанный комсомольский фильм? Конечно, нет. Но картина, сделанная на основе указанных запросов молодежи, всегда будет ближе этой молодежи, будет оказывать на нее гораздо большее влияние, чем на взрослого. Также никто нигде не утверждал, что в фильме для молодежи должны участвовать только молодые, юные герои. Тут, прежде всего, метод, техника работы, а не действующий герой (молодой или старый).

Большой успех «Красных дьяволят» (1-я серия) и «Борьба за ультиматум» наше положение целиком подтверждает, хотя они и далеко не являются безукоризненными. И, наоборот, попытка ФЭКСа, где имеются безусловно талантливые актеры и режиссер, дать подростку и взрослому одну и ту же картину — потерпела крах. А эту весьма способную группу нам надо привлечь к себе. Точно так же нам нужно поддерживать уже имеющиеся иници-

ативные комсомольские киноорганизации, в частности, кино-комсомол.

Трудно сказать в этой статье, какие конкретно картины нужно немедленно сделать для молодежи. Опыт еще слишком невелик. Во всяком случае, первые картины должны быть тесно связаны с современностью. Такая картина, как «Хулиганы», на тему о сочетании личного с общественным, и героики Октября должны быть созданы прежде всего.

Через такие картины, достигающие мастерства Эйзенштейна, Пудовкина, Вертова, Кулишева и Тарича («Крылья холопа»), а не через заграничные, усиливающие хулиганство, ничего не дающие, отталкивающие от коллектива, от строительства, — обобщенный и доведенный до пафоса трюкизм Гарри Пилля, — не через такие фильмы комсомол приобщит кино к своим непосредственным и главнейшим орудиям массового ленинского воспитания молодежи.

Ф Е Л Ь Е Т О Н

Стоит только ближе присмотреться к комсомольской среде, как пронизательный взор выщипет в ней ряд замечательных типов — как положительных, так и отрицательных — типов, которые, с одной стороны создают славное имя и гордость комсомолу, с другой — портят и позорят его репутацию. Таковы, например: старательный фабзавучник и комсомолец-домохозяин, незаметный, комсомольский Джимми Хиггинс и комсомолец-специалист, склочник и карьерист, бюрократ и Молчалин, Хлестаков и комсомолец-«братишка» эпохи военного коммунизма и т. д.

Настало время запечатлеть эти типы и как жучков на булавке выставить их перед всем союзом.

Начиная с этого номера, редакция делает попытку представить перед читателем галерею этих живых комсомольских портретов.

Редакция.

Н. ГУГУЕВ

Типы комсомольцев

Присмотритесь к любой комсомольской организации: какое многообразие типов найдете вы в ней. В каждом комсомольце вы встречаете такие черты характера, каких нет у его товарища. Обобщить хотя бы немного эти характеры, выхватить из общей массы и описать наиболее характерные типы представляется сначала почти невозможной задачей. Но по мере того, как медленно вглядываешься и наблюдаешь, перед глазами встают более или менее ярко очерченные типы комсомольцев. За время существования комсомола эти отдельные типы в достаточной степени выкристаллизовались, определились.

В данном очерке мы и намерены описать один из таких определившихся типов комсомольца.

„Рубаха-парень“

Выражение лица у нашего героя по большей части смелое и открытое, в самой манере говорить замечается что-то ухарское, удалое. Иногда он бывает толстым, иногда худощавым, но качества его от этого не изменяются. Стоит только собраться где-нибудь хотя бы небольшой компании, он уже, что называется, «тут, как тут» и, входя в комнату, обычно с воодушевлением восклицает:

— Эх, и «буснули» же мы вчера! — В доску перепились!

Когда же найдется в компании какой-нибудь здравомыслящий человек и возразит ему, что, мол, алкоголь губительно действует на

здоровье и что у пьяницы вырастает хилое потомство, он презрительно машет рукой, говоря:

— Я этой науке не верю. А почему не верю? — потому, что все ученые пьют: и профессора, и доктора.

И сплюнет.

Кто из читателей не встречал в комсомольской среде сего героя? Увы, он жив еще, он еще не умер.

Хвастаться любит ужасно. Если попадет куда-нибудь на работу, то первым делом заготовляет себе удостоверение и при этом такое, в котором было бы побольше этаких «забористых» пунктов. На подпись подносит его с совершенно незначущим видом: «подпиши-ка, дескать, эту безделку», а у самого внутри так и екает все, так и трепещет: «что, как вдруг не подпишет?» Но удостоверение он, собственно говоря, так только — на всякий случай держит, а о занимаемой им должности предпочитает объясняться с незнакомыми, а иногда и с знакомыми людьми на словах. И при этом иногда так занесется, что заявит вдруг, будто бы он чуть ли не самый главный, какой только может быть, начальник. И скажет это с таким обыденным, простым видом, подтверждая этим, что ничего, мол, нет удивительного в том, что я хоть и молод, а такой пост занимаю. С таким видом преподнесет, что знакомый человек только головой покачает, не найдя сразу, что сказать, а незнакомый почувствует вдруг необычайную почтительность, хотя и смешанную с легким недоверием.

И постоянная у нашего героя склонность к тому, чтобы его заметили. Если это на собрании где-нибудь, то он и реплику подаст с места, да при этом крикнет во весь голос, и чихнет иной раз, а то вдруг выскажет неожиданно такой взгляд, что всем неловко становится. Так, например, если на собрании говорят о необходимости учебы, то он будет ее отрицать, если же вслед за этим оратором выступит другой, который будет отрицать учебу, то он и ему начнет противоречить и шикать, — лишь бы только быть замеченным. И если, несмотря на все это, остается незамеченным, то поникнет головой и даже грустит немного, хотя впрочем, скоро оправляется, ибо по своему характеру к грусти не расположен.

Иногда же, впрочем, он сам ставит на обсуждение какой-нибудь вопрос, но при этом обязательно нелепый до чрезвычайности. Например хотя бы такой: почему Маркс не брил бороду? И при этом он начинает отстаивать вдруг обязательно свое какое-нибудь мнение, в роде того, что Маркс, например, на-спор бороду носил. Будто бы, когда было Марксу еще двадцать лет, один чудак стал его уверять, что не выдержит он всю жизнь с бородой и начнет бриться, а Маркс в ответ на это взял да и сказал: «давай заспорим, что бриться не буду». И с тех пор ни разу будто бы не побрился, до самой смерти.

Эту нелепую выдумку наш герой будет отстаивать с чрезвычайным жаром и когда ему начнут кричать: «брось, довольно» — он вдруг засгучит кулаком в грудь, побагровеет и возмутится страшно:

— Мне не верите? Мне? — закричит он. — Я? Который кровь проливал?..

Хотя и знают все, что никакой крови он не проливал, но берутся успокаивать. Да, это, собственно, не так уж и трудно. Стоит только подойти к разгоряченному оратору сзади, погладить его слегка по спине и сказать: «Да, что ты им доказываешь, дуракам? Разве они поймут?» — как сейчас же на лице его сквозь мрак покажется улыбка и он, что называется, «отойдет» и, снизивши голос, попросит закурить.

Вид у него очень удалой, смелый, отважный, он как будто-бы и «рискнуть» склонен всегда, но на самом деле герой наш только в таких делах участвует, где не так-то уж и риску много.

Он готов, например, взяться за то, чтобы «скапнуть» кого-нибудь с занимаемой должности, хотя бы, скажем, секретаря, и посадить на его место «своего» парня, который и «буснуть» любит и проч. такое. Но если ему «скапнуть» не удастся, и дело, что называется, «прогорит», то он идет к тому секретарю, под которого вел подкол, и с видом человека, у которого внезапно открылись глаза, начинает с горячностью утверждать, что он был введен кем-то в ошибку, что он и не знал, какой, оказывается, в самом деле, секретарь восхитительный парень, — и он уже грозитя набить «морды» тем «типам», которые будто бы ввели его в ошибку. Он клянется секретарю, что теперь он будет стоять за него горой, так что секретарь, растрогавшись, начинает подумывать: действительно этот парень был введен кем-то в ошибку, он — славный парень, хотя и немного невыдержанный, но он искренний парень.

А герой наш, выходя от секретаря, затесывается в первую же компанию и с удалым видом начинает рассказывать, «покатываясь со смеху», как он хотел «скапнуть» этого дурака-секретаря, и потом с сожалением восклицает: «Не удалось!» — а поговоривши еще немного, пригрозит: «Ничего-о! — авось еще когда-нибудь удастся».

При этом он твердо уверен, что всякий человек, которого он встречает, обязательно похож на него самого, и поэтому на весь окружающий мир герой наш взирает, как на некое собрание известного рода интриганов и даже мошенников. Если он видит, что человек выступает в защиту какого-нибудь другого человека, хотя бы того же секретаря, которого он рассчитывал «скапнуть», то, смотря на этого выступающего, он ни минуты не сомневается, что тот ведет свою защиту из каких-нибудь «шкурнических» побуждений, хотя-бы, например, из желания «подлизаться», и никогда не поверит, если вы станете его уверять, что людям «суждены благие порывы», что могут они выступать и из честных побуждений. В ответ на это он странно расхохочется, прямо до слез, будет иступленно стучать ногами и прохрипит, сквозь смех, задыхаясь: «Ну, ну! Ну, и чудак! Вот рассмешил-то... Вот... ха-ха-ха...»

И махнет рукой, закатившись в припадке смеха.

Когда же все-таки наткнется на такого человека, который, как его ни взвешивай, как ни осматривай, со всех сторон честен и прямодушен, ни под кого не «подкапывается», и ни к кому не «подлизывается», то герой наш бывает чрезвычайно поражен и долго и мучительно думает над этой, как ему кажется, загадкой, — и в конце-концов решает, что этот встреченный человек просто-напросто дикарь, отсталая личность, что он, как говорится, не гражданин своей эпохи, одним словом, что этот человек — «меща-

нин», «мягкотелый интеллигент», «сопьяк» и даже, «контр-революционер».

Надо сказать, что эти только-что упомянутые слова особенно любезны сердцу нашего героя. Он их употребляет в каждом случае, когда его, что называется, «припирают к стенке» и когда больше уже нечего сказать, или же в тех случаях, когда он бывает сильно поражен чем-нибудь и смущен. Тогда он с злобным видом, как некую зловонную жидкость, «выпускает» на своего оппонента эти слова.

Мы вовсе не хотим сказать, что каждый, употребляющий означенные слова, обязательно похож на нашего героя, — нет, мы вовсе не хотим этого сказать, — наше дело показать факты такими, как они есть.

В самом деле, если вы девушка, то постарайтесь припомнить, как в свое время к вам «подлезал» такой «тип», как он начал вас, простите за выражение, «щупать» чуть-ли не с первой встречи и говорить всякие мерзости, и как, получивши от вас оплеуху, он встал в позу и тонким голосом зло прокричал: «А-а, ты значит, мещанка?! Запомним!» И как в первый же день после этого рассказывал всем и каждому, что имел с вами «то-то и то-то», но что он «бросил» вас, будучи не в силах будто бы стерпеть ваше «мещанство». Вспомните, какую он поднял травлю против вас в ячейке и вообще везде, куда вы не осадили его при помощи кого-нибудь, если только вам удалось его осадить.

Или, например, если вы особь мужского пола и имеете несчастье быть с ним знакомым, вспомните-ка, как он пришел к вам однажды, и, увидевши ваши «праздничные» штаны, которые вы бережете, как зеницу ока, — начал их примерять и как, натянувши их с треском, сказал вам таким тоном, как будто-бы просил прикурить: «Послушай, дай-ка потаскать штаны» — и как в ответ на ваш отказ он вдруг побагровел, разозлился и заявил презрительным тоном, что он больше не хочет иметь дела с такой «сволочью» и «мещанином». И как, наконец, вытряхнутый вами из ваших же штанов преисполнился неопикуемой ярости и с тех пор на всех перекрестках рассказывал о вас, какой вы, будто бы, «мещанин» и говорил, что у вас даже расческа есть и зеркало, — с таким видом говорил, как будто бы это были запрещенные прокламации.

А ведь до этого был вашим приятелем, хлопал вас по плечу и если случалось это в компании, то с размягченными, сияющими глазами уверял, что у него такого любимого друга еще никогда не было.

И при всех этих своих качествах наш герой все же умеет каким-то непостижимым образом привлекать к себе людей. Едва только он появляется в каком-нибудь общественном месте, как сейчас же кругом раздаются радостные возгласы: «А-а, Андриуша! — Андриуша пришел! — Как поживаешь Андриуша?»

Всякий называет его уменьшительным именем и ждет от него каких-нибудь забавных, удачных шуток. Он в глазах других людей, что называется, «оригинальный парень». Очень многие товарищи берут его с собой и пообедать и закусить, находя его общество забавным, — и он ходит, но, отобедавши и поднимаясь со стула, всегда говорит небрежным тоном:

— Слушай, заплати-ка там и за меня, а то я сейчас «сухой», вчера пропился.

И все кругом будут смеяться, говоря о нем: «славный пареня, только немного невыдержанный».

А некоторые, стоящие где-нибудь в уголку, будут многозначительно поднимать палец и говорить: «О-о! Вы не смотрите, что он такой по наружности. Он дельный! О-о!».

К чужим деньгам он относится с истинно-царственным пренебрежением и считает их за какие-то глиняные черешки; он готов четыре раза на день взять у вас займы, и уж, конечно, вы тщетно будете ждать, что он когда-нибудь вам их отдаст.

Он всегда не прочь «сыграть», принять участие в какой-нибудь затее, которая обещает дать выигрыш, и ради того, чтобы этот выигрыш получить, он готов на все, что угодно, даже порою на истинно-самоотверженный поступок, тогда как в обычное время он все же осторожен, если не сказать труслив. В какое бы положение он ни попал, он рассматривает его с точки зрения «игры»: то есть, сначала тщательно оглядывается кругом, выясняя: не собирается ли кто-нибудь *его* «обжудить»? Если признаков этого нет, то он сразу же ищет: нельзя ли *самому* кого-нибудь «обжудить», находясь в данном положении?

Герой наш, как уже неоднократно приходилось указывать, обладает в большинстве случаев этойкой располагающей наружностью, но помимо того, он еще очень и очень радушен. Всякого, с кем он только скажет два—три слова, он сейчас же начинает тащить к себе домой, и, как тот ни ушрайся, обязательно притащит в свою комнату, поглядеть на его «житье-бытье».

Комната, обыкновенно, бывает грязная, с облупленными стенами, с прошлогодним сором на полу и такими окнами, в которых вместо стекол, картон. Он с гордостью рассказывает по этой комнате, пока вы стоите, не решаясь сесть на камень, заменяющий стул, и он говорит, величественно, показывая на углы, затанутые паутиной: «Вот, смотри, как живут истинные пролетарии! Учись!».

Иногда, впрочем, находит на него блажь иного рода, и тогда, показывая на основной ящик, заменяющий собою стол, он вдруг начинает утверждать, что этот ящик сделал из красного дерева и что за него заплачены огромные деньги; когда же вы ему не поверите и позволите себе усомниться в справедливости его слов, то он гневно восклицает: «Ты это что ж не веришь мне?» И если вы не откажетесь от своих слов, то он кончит тем, что выгонит вас из комнаты, в раздражении крича: «Чтоб ноги твоей здесь не было!»

Наш герой почти никогда не женится. Его заветная мечта найти какую-нибудь, хотя бы и старую, как он называет «бабу», но чтобы у ней, по его живописному выражению, «водилась мопета», чтобы можно было, как говорится, «пошамать» и «буснуть». И когда он находит себе такую «бабу», то достигает верха своего блаженства, и тогда всем и каждому рассказывает с самыми мельчайшими деталями, как он эту «бабу» «улагодворяет», и какая она «гад ревнучая», и тому подобное.

Вообще — рассказывать, — художественно и ярко рассказывать, — одна из страстей нашего героя. При первой же встрече он выкладывает вам всю свою жизнь, не позволяя перебить себя и шридерживая вас, что вы не бежали. При чем, в этой его истории излучается из его слов так, что, когда ему было пять лет, он уже командовал красным бронепоездом, а семи лет получил из рук са-

мого Троицкого ордена «Красного Знамени», каковой орденом, увы, мол, прощит мною-дураком, вместе с удостоверением на право его ношения.

Он только и делает, что рассказывает, и надо сознаться, что, несмотря на все немислимое вранье, из которого состоят эти рассказы, они все же крайне забавны, и их с удовольствием слушают. Ведь не верят, а слушают. Если же ему открыто выразить недоверие, то он начинает клясться и спорить, подставляя «на-сруб» свою голову и так возмущается, что даже охрипнет, и не успокоится до тех пор, покуда не поверят или не сделают вида, что поверили.

При этом он с одинаковым восторгом рассказывает как о многих своих победах, так и поражениях, которые ему будто-бы выпали на долю.

Ко всему тому, что здесь изложено, можно прибавить еще то, что, когда у нашего героя появляются деньги, то он тратит их на какую-нибудь очень дорогую, но абсолютно ненужную вещь. Например, будучи в рваных штанах, и в таких ботинках, из которых выглядывают пальцы, он покупает вдруг какой-нибудь роскошный шарф оранжевого цвета, сделанный из самого теплого пуха, длиной в сажень. И ходит в том шарфе летом.

Надо сказать, что мы в данной статье гораздо в большей степени отобразили героя нашего как человека, нежели как комсомольца. Но дело в том, что вся его роль в организации почти-что исчерпывается тем, что описано нами выше. Он разнообразно проявляет эти свои качества во всех отраслях комсомольской жизни, и это почти все, чем он занимается, пребывая в комсомоле.

Вот, смотришь, он собрал кружок товарищей и уже ораторствует, размахивая руками; имена вождей комсомола так и сыплются из его уст:—Чаплин? Матвеев?—Как же, он с ними безусловно знаком, он их даже по плечу хлопал и говорил с ними «на ты» по вопросу об оппозиции. Когда же вдруг кто-нибудь, скромно стоящий сзади, спросит у него: «А скажи, в чем заключается сущность оппозиции?» — он смешается, покраснеет, молча потужится несколько минут, и потом скороговоркой бросит: «Да... знаешь... не поладили там... Одни говорят то, а другие то...»

Вообще же он берется выступать по всем решительно вопросам, которые только ставятся на обсуждение. И ни в одном из них он, что называется, ни аза не смыслит, но словами так и жонглирует. Только и слышно от него: «Конкретно», «определенно», «взять курс», «увязать» и т. п.

В частности, он глубоко презирает всякую науку, какая бы она ни была, и обязательно высказывает это в глаза всем и каждому, при чем попутно расскажет какую-нибудь явно вымышленную историю о том, как некий его знакомый, дескать, и не учился, а многого достиг, и даже, изобрел велосипед и пишущую машинку, а потом до глубокой старости служил начальником милиции и пользовался уважением со стороны окружающих.

Лекции и кружки — это пища не по нашему герою. Слушается все же, что его принимают за знающего человека и посылают, например, руководить, хотя бы, скажем, пионерским отрядом. Но так как он веде остается самим собою, куда его ни поведи, то он и здесь не теряется и, собравши пионеров в кружок, начинает им рассказывать о своих отношениях с «бабой». Со всеми

подробностями рассказывает, при чем не только одной своей «бабы» касается, но и вообще говорит по половому вопросу.

Если же едет он, к примеру, с шефским поручением в деревню, то вскоре оттуда получают известия, что наложена-де им на подшефное население невиданная контрибуция и введен строжайший режим, или еще что-нибудь подобное, так что означенное население не знает, мол, куда ему и деваться.

Вот вам и портрет нашего героя. Трудно, конечно, в столь небольшом очерке передать абсолютно все его черты, в том числе и самые мелкие черточки; мы постарались отметить только его типичные особенности, и пусть уже читатель при встрече с ним сам стыщет и заметит остальное.

Можно только об одном еще сказать — это о том, что герой наш в одной организации долго не уживается. Даже и в тот короткий срок, который он все-таки числится в ней, он предпочитает какую-нибудь «разъездную» работу, предлагает «ездить и инструктировать» и т. п., но и это не надолго, а потом он начинает тосковать, его тянет куда-то вдаль, хочется ему изведать что-то неизведанное, он начинает скандалить, придирается ко всем, становится невыносимым и его тогда «перебрасывают». Почти непрерывно он подвергается переброскам, ибо везде успевает надоесть за самый короткий срок.

Остается еще сделать только маленькое заключение, а именно. вот какое: люди, подобные нашему герою, к счастью, не задерживаются надолго в комсомоле. Всегда случается так, что или возмутится какой-нибудь прибитый ими товарищ, или оболганная девушка, или честный парень, обозванный «мещанином», или, например, приходит в ячейку «баба» нашего героя и заявляет, что он упер у нее золотую цепочку, или же героя нашего, вследствие его бойкости, сочтут за активного парня (бывает иногда и так) и дадут ему важный пост, который он навеки и безвозвратно опозорит в течение одной только недели, — и тогда над нашим героем совершается короткий суд, и его «вышибают» из союза.

Узнавши об этом, он багровеет, возмущается, говорит о пролитой крови, плачет даже, но быстро оправляется, плюет злобно, и с презрением говорит, удаляясь:

— Мещане! Сопляки!

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Начиная с этого номера, редакция намерена расширить рамки критико-библиографического отдела. По двум линиям должно пройти это расширение. Во-первых, включить в круг внимания читателя больший процент рецензий обще-политической литературы, не сокращая в то же время обзора специально-комсомольской книги. Редакция намерена время от времени давать списки не только книг, но и газетных и журнальных статей по отдельным вопросам. Во-вторых, систематически знакомить нашего читателя с наиболее интересными иностранными изданиями, касающимися молодежи.

Редакция надеется, что читатели «Юного Коммуниста» придут ей на помощь в этом начинании своими указаниями и советами.

И. ЛУППОЛ. Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. ГИЗ. 1927. 208 стр. Цена 2 рубля.

На эту тему у нас еще слишком и слишком мало написано. А между тем это—характернейшая для Ленина проблема. Ленина, как политика, знает весь мир, но Ленина, как крупного авторитета марксистской философии, знают очень немногие. В самом марксистском лагере по этому вопросу нет единства взглядов, и некоторые виднейшие представители этого лагеря, например, Л. И. Аксельрод, до сих пор во всех философских спорах молчаливо игнорируют авторитет Ленина. Разумеется, перу таких представителей не принадлежит ни одной строчки о Ленине, как философе. И, наоборот, их перо легко взводит нелепый поклеп на Ленина, как на марксиста. Л. И. Аксельрод еще в 1917 году так писала о Ленине: „Ленин всегда, и в прежнее лучшее время его жизни и деятельности был плохим, поверхностным марксистом. Он никогда не отличался тонким пониманием сложной действительности, обязательным для человека, стоящего на точке зрения современного социализма“. („Наше единство“, № 173, 28 дек. 1917 г., цитирую по ст. тов. Сорина „О философских тетрадках Ленина“, напеч. в „Правде“ за 1 авг. 1926 г.)

Поэтому, нам кажется, вполне уместно будет сказать здесь не только о рецензируемой книге, но и по поводу ее. Особенно требуется поступить таким образом еще и потому, что внимание передовой комсомольской молодежи на этих вопросах недостаточно заострялось.

Для действительных сторонников диалектического материализма Ленин является крупным философским авторитетом. Для таких сторонников, или—как называют их Л. И. Аксельрод и ее сторонники,—для „деборинцев“ Ленин является крупнейшим мыслителем и к его работам не только можно, но и следует обращаться при разрешении той или иной проблемы марксистской философии. Такое отношение к Ленину есть единственно правильное отношение. Вот почему инициатива начать рассматривать и исследовать Ленина, как философа, принадлежит не Л. Аксельрод и ее единомышленникам, а А. М. Деборину и „деборинцам“. Автор книжки, о которой здесь будет речь, тоже „деборинец“.

Марксистской философией является диалектический материализм, который является теоретической основой не только миросозерцания пролетариата, не только его научной методологией, но и единственно верным критерием стратегии, тактики и лозунгов революционной борьбы за коммунизм. Всякая „беззаботность“ по части теории марксизма—марксистской диалектики на практике—неизбежно ведет к сползанию в сторону от подлинного марксизма. История II Интернационала может быть хорошим примером того, как

оппортунизм политический вырос на основе оппортунизма теоретического. Такие вожди II Интернационала, как Б. Каутский и Э. Бернштейн, литературный душеприказчик Энгельса, держали без всякого движения замечательный документ марксистской диалектики — рукопись Энгельса „Диалектика природы“. Глубокое внимание к теории марксистской диалектики не было ни традицией II Интернационала, ни характерной чертой его вождей. И, наоборот, особенно русской школы марксистов и ее вождя Ленина является глубочайшее внимание к теории, к марксистской диалектике. Теоретический „хвостизм“ в истории большевизма всегда преследовался с меньшим упорством и страстностью, чем „хвостизм“ политический. В основе ленинизма лежит марксистская философия — материалистическая диалектика. И тот, кто пожелает проследить за эволюцией взглядов самого Ленина будет поражен огромнейшим и непрерывным интересом его к теории марксизма и ко всякой теоретической борьбе. Сила Ленина заключается в том, что после Маркса и Энгельса он был самым великим диалектиком. Каждый свой шаг Ленин рассматривал с точки зрения марксистской теории и с точки зрения единства этой теории с практикой. В борьбе с бесчисленным количеством противников и платформ Ленин побеждал всегда на почве теорий, на почве марксистской диалектики. Ленин всегда заманивал своих противников на поле марксистской философии и тем уже разбивал их на-голову.

Не даром в дискуссии о профсоюзах Ленин поучал т. т. Бухарина и Троцкого и других *диалектике*, не даром в связи с этой же дискуссией, писал следующие слова: „В скобках уместным, мне кажется, заметить для молодых членов партии, что нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма“¹. В редком из своих произведений и выступлений Ленин не указывал на исключительно важную роль марксистской философии. Одна „Детская болезнь левизны в коммунизме“ может служить блестящим доказательством того, что неотразимая мощь ленинской мысли заключалась в исключительном умении каждый лозунг и каждый тактический поворот рассмотреть в свете марксистской философии — марксистской диалектики.

Мы уже отметили, что традицией большевистской партии является глубочайшее внимание к вопросам теории, и что ко всякой теоретической борьбе большевик должен относиться так же, как и к борьбе политической. В настоящее время мы имеем попытки извращения марксистской теории по линии отрицания всякого самостоятельного значения марксистской философии, по линии разрыва последней с диалектикой Гегеля, по линии подмены диалектико-материалистического понимания мира механическим пониманием и т. д. Борьба с подобными попытками, по мере своих сил, должен каждый коммунист, каждый ленинец. Лучшими руководителями в этой борьбе будут Маркс, Энгельс, Плеханов и Ленин. Книга тов. Лупшова составлена из помещенных автором в разное время в наших толстых журналах четырех статей, переработанных и существенно дополненных. Основная задача книжки состоит в том, чтобы представить читателю облик Ленина-философа. Попытка осуществления такой задачи диктуется не только тем, что с философской стороны Ленин меньше всего исследован, но и тем, что марксистская философия сейчас зачастую ставится под скрытые и открытые нападения. Помимо чисто философских проблем, как проблема бытия и мышления, проблема материалистической диалектики и проблема социальной методологии, автор в своей книжке рассматривает также проблему диктатуры пролетариата и проблему культуры. Основания для такого соединения, на поверхностный взгляд разнородных, проблем автор видит в самом духе марксистской философии, ибо материалистическая диалектика является методологией

¹ Ленин. т. XVIII, ч. I, стр. 60.

знания на основе действия и в то же время методологией действия на основе знания. С точки зрения такого понимания материалистической диалектики является вполне уместным рассмотрение проблемы диктатуры пролетариата и проблемы культурной революции в ряду других философских проблем.

В большом введении тов. Луппол показывает, как глубоко захватывали Ленина теоретические вопросы и теоретическая борьба в продолжение всей его жизни и как он умел видеть за теоретическим ревизионизмом ревизионизм политический, практический. Автор показывает так же, как теоретический ревизионизм Богданова, Базарова, Луначарского, Бермана, Юшкевича и др., привел Ленина от возмущения к знаменитой критике русских махистов в книге „Материализм и эмпириокритицизм“. Во второй главе своей книги (проблема бытия и мышления) автор излагает философские воззрения Ленина и подчеркивает те моменты, в которых он дал дальнейшее развитие принципам диалектического материализма. На ряде произведений Ленина и в первую очередь на его „Материализме и эмпириокритицизме“ т. Луппол иллюстрирует углубление принципов диалектического материализма, которое сделал Ленин. Вопросы о вещи в себе и явлении, о критерии истины, об истине, субъективной и объективной, абсолютной и относительной, о понятии материи, движения, пространства и времени были не только поставлены Лениным, но и развиты в духе материалистической диалектики. То же самое можно утверждать и в отношении проблемы самой материалистической диалектики. В рассмотрении всех других проблем, которые поставлены автором в книге, точно так же указывается на то, что ни к одной из этих проблем Ленин не относился пассивно и безучастно. Ко всякой проблеме, попадавшей в поле зрения Ленина, он имел философский подход, и в этом смысле он крупный марксистский мыслитель, крупный философский авторитет. Подобно Марксу, он не писал систематических философских работ, но зато так же, как и у Маркса, у Ленина проникнут философией каждый документ, который он после себя оставил.

Нельзя не приветствовать появление книжки тов. Луппола, фиксирующей внимание действительных марксистов на этой стороне личности Ленина. На ряду с блестящей книжкой тов. Деборина „Ленин, как мыслитель“, вышедшая книжка И. Луппола должна быть прочитана каждым желающим познакомиться с отношением Ленина к философии. Кроме того, книжка тов. Луппола может дать читателю правильные ответы на ряд вопросов, возникших и возникающих в процессе спора вокруг материалистической диалектики. Язык книжки достаточно прост; кроме того, к книжке приложены пояснения философских терминов, имен и иностранных выражений. Ее можно рекомендовать комсомольскому активу как для индивидуального чтения, так и для коллективной семинарской проработки.

Конст. Гребенев

В. Дмитриев и Б. Галин. „На путях к новому быту“. „Новая Москва“. М. 1927 г. 68 стр. Ц. 55 к.

Конечно, — сборник! Размножение подобной литературы идет с угрожающей быстротой: из 10 новых книг по какому-нибудь злободневному вопросу 8 оказываются сборниками или хрестоматиями. Легкость их составления, примитивность орудий производства — ножицы и гуммарабик — крайне заразительны, значит, нечего удивляться, что не удалось спастись от сборниковой эпидемии и молодежному быту.

Сезон был открыт сборником «Быт и молодежь», изданным «Правдой», за ним выполз распухший «Комсомольский быт», сейчас перед нами лежит «На путях к новому быту», и нет надежды, что обозреватель сможет поставить на нем точку. Первый сборник — и по серьезности постановки темы, и потому, что был первым — вышел очень удачным и вполне кстати. Последующие в значительной степени повторяли выраженные в нем мысли. Составители рецензируемого сборника с похвальной откровенностью сознаются: «в задаче

книжки не входит сказать какое-нибудь новейшее слово, выдвинуть какую-нибудь новую проблему. Мы ставили своей задачей только снова и снова обратить внимание союза на необходимость серьезной, деловой работы и борьбы за подлинный новый быт» (стр. 67). Такое внимание к союзу очень мило, но, к сожалению, не ново. Несколько лет назад, в книжке тов. Троцкого, мы читали: «первая задача, ближайшая, неотложнейшая, острейшая: вывести быт из безмолвия». С тех пор вопросы быта стали заведомыми газетных и журнальных столбцов. Ежедневно, в десятках статей и речей «обращают внимание» на эту сторону дела, и едва ли была большая нужда «снова и снова» напоминать о ней рецензируемым сборником.

Отсюда никак не следует, что не надо издавать литературы по бытовым вопросам. Напротив. Надо только сказать, какая книжка нужна нам, и опыты книжки т.т. Дмитриева и Галина помогут в этом разобраться.

Тов. Дмитриев и Галин собрали ряд очерков, статей и фельетонов как своих, так и других авторов, «описывающих характерные особенности жизни и быта рабочей молодежи», снабдив их ярким и толковым «введением», которое, скажем кстати, едва ли не самая ценная часть книжки. Приведенный материал разношерстен, изобилует отступлениями и повторениями, не оставляет цельного впечатления и не дает толчка к тому «творчеству малых дел в области быта», в котором авторы справедливо видят «основной лозунг бытовой работы». Вместо законченной, продуманной самостоятельной работы, написать которую по имевшемуся материалу не составило бы труда, составители дали читателю груды сырья, предоставив ему самому ее обработать, — в этом мы видим основной порок книги!

Теперь о достоинствах. Проблема быта в нашей периодической литературе зачастую суживается до узких рамок «полового вопроса». Вопросы, скажем, любви, брака, совместной или раздельной семейной жизни, при всем их значении, неизмеримо ниже общего комплекса материальной и культурной обстановки, в которую поставлен рабочий подросток. Это вполне правильно учтено составителями книжки. Они взяли более правильными курсы и знакомят читателя с бюджетом рабочего-подростка, распределением его, условиями жилища, питания и т. д., и т. п. Но, опять-таки: избранный авторами характер изложения лишил их возможности расширить и обобщить вопрос до желательного масштаба. Между тем, нужный материал, правда, разбросанный по разным источникам, имеется в достаточном количестве. Перелистайте хотя бы

обработанные тов. Зайцевым итоги мед. обследования рабочих-подростков в 1923 году. Тов. Галин много говорит о характере питания молодого рабочего в общежитиях и столовых, а знает ли он, что 84% рабочих-подростков питаются в семье и только 16% вне семьи, при чем уже из них в свою очередь 20% питаются артельно, 22% — в общественных столовых, а 58% — самостоятельно? Не менее интересен тот факт, что 61% обследованных ребят живет в комнатах с населением свыше 4-х человек. А известно ли кому, что почти 40% подростков не имеют отдельной постели, при чем эта цифра у текстильщиков и химиков поднимается до 50%, а у лицезников, кожевников, коммунильчиков снижается до 25%?

Много такого драгоценного бытового материала лежит втуне, покрываясь архивной пылью. Единственный образец, который подвергается статистическое богатство, это, выражаясь словами Маркса, грызущая критика мышья.

Нам хочется кончить добрым пожеланием. За восемь лет комсомол выделил кадр своих, если можно выразиться, теоретиков, — товарищей, серьезно разрабатывающих различные проблемы нашего движения. Было бы уместно поручить им крупную, важную, исследовательскую работу: дать исчерпывающую картину материально-бытового положения рабочего-подростка (анализ бюджета, бюджет времени, семейное окружение, жилище, развлечения и т. д.). Это само по себе будет большим достижением, но мы ждем еще большего: параллели между дореволюционным положением рабочей молодежи, настоящим положением ее (в том же разрезе) за границей. Надеемся, что наступающий год принесет с собой и осуществление этого пожелания.

Ипполит

„Young Men's Christian Association and future of China“. „Христианский Союз Молодых Людей и будущее Китая“. Издание Национал. Комитета ХСМЛ в Китае. Шанхай. 1926 г. 93 стр.

Редкий из российских комсомольцев знаком с деятельностью, развиваемой на Востоке нашим антиподом — Христианским Союзом Молодых Людей (Х.С. М.Л.). Рецензируемая книжка очень много рассказывает о деятельности одного из важнейших отрядов Х.С.М.Л. — китайского. Ниже мы ознакомим читателя с основными пунктами этой книги.

ХСМЛ — религиозная организация молодежи, которая преследует в то же время явно политические цели — быть проводником мирного проникновения американского империализма. Американцы развили в Китае громадную

благотворительную деятельность с целью привлечения на свою сторону симпатий населения. Главным проводником этой империалистической филантропии является ХСМЛ. Он не только проводник, но и своеобразная школа, где обрабатывается китайская молодежь для будущей службы на благо американского капитала.

Опорным пунктом ХСМЛ имел детей привилегированных сословий, но теперь, в связи с событиями последних лет, делает резкий поворот в сторону массы рабочих, ремесленников и крестьян. «Мы не ошибемся, — провозглашает реченизируемая книга, — если заострим нашу работу в лозунге «идите в народ», который так часто употребляется известной политической партией». (т.е. коммунистами.—Н.). Отсюда пересмотр всей своей деятельности и тактики с целью приоритетности к новым задачам. В одной из резолюций, принятой на последнем конгрессе ХСМЛ, говорится: «Китай имеет свыше 300 мил. трудового населения, которое становится сознательным. Забастовки стали обычными в больших промышленных городах, и очевидность рабочих беспорядков стала фактом в разных частях страны. Горячий вопрос современного часа — найдет ли Китай достаточные средства вести эти массы по дороге конструктивных реформ и прогресса или столкнется с социальной революцией, подобно русской? Задача ХСМЛ сводится к завоеванию масс именно для того, чтобы не допустить их до революции, «подобной русской». Под таким углом рассматриваются все проблемы, которые стоят перед Китаем.

Пересмотру тактики ХСМЛ значительно способствовал успех антихристианского движения. В книжке то и дело попадаются строчки, показывающие, что антихристианское движение не прошло для ХСМЛ даром. Например, они теперь сами сознаются: «Члены церкви часто не живут в соответствии с духом любви, долга, равенства и самопожертвования. Исполненные долга есть одна лишь формальность. Организации весьма окоммерчены» (буквальный перевод.—надо понимать, что организации построены на коммерческих началах.—Н.). Мы можем только поблагодарить ХСМЛ за открытое признание.

Все сейчас понимают или прикидываются понимающими причины бедствия Китая. Гвоздь вопроса в том, как бороться против этого. У христианских мальчиков главный прием борьбы—вора. «Вера всей страны в провинциальную автономию и федеральное правительство, как решение политических проблем Китая, неуклонно вырастает и увеличивается». Они не замечают, что народ не только верит,

но и борется. Они предлагают, чтобы все державы построили свои отношения к Китаю на христианских принципах. Они уговаривают империалистов пойти на уступки: «Если они (великие державы) сделают так, — их влияние будет глубоко и здорово. Будут ли они стараться культивировать международное и междурасовое понимание? Если будут — нет нужды тревожиться о росте национализма в Китае!». Свои задачи в национальном движении они формулируют следующим образом: «Прежде всего, по отношению к поднимающейся волне национализма. Мы должны, кроме выражения уважения и желания участвовать в ней, показать опасность такого движения, если оно не будет основано на духе христианского интернационализма. Мы должны доказать, что мир без войн есть только мечта, если мы искренне верим в братство человечества». Вот для чего ХСМЛ хочет участвовать в национальном движении. По существу же ХСМЛ хочет сохранить во взаимоотношениях Китая с иностранными державами — статус-кво. Советуя нации, которую угнетают, расстреливают, секут, советуя великому народу верить в христианскую искренность врага и отказаться от вооруженной борьбы с империализмом, значит — помогать империализму. ХСМЛ своим участием в национальном движении и хочет делать именно так: помогать империализму, в особенности американскому.

ХСМЛ намечает свою тактику и «узловые пункты», за которые они борются. Главный из них, конечно, рабочий класс. «Рабочий класс важен для нашей работы не только потому, что он велик, но и из-за того увеличивающегося значения, которое он приобретает, как класс, в развитии страны». ХСМЛ оплакивает формы патриархальной эксплуатации: «Рабочие становятся классово-сознательными. Коллективные действия, которые были сравнительно трудны и не нужны при ремесленной системе, становятся много легче в условиях современной фабрики. Все это, вместе взятое с увеличивающимися связями с внешними силами, разрушает умственную и общественную устойчивость, давно известную китайской древней цивилизации. Более того, иностранное рабочее и радикальное движение находит свое эхо в рядах рабочих. Рабочие начинают искать улучшения своего положения, — отсюда современное рабочее движение в Китае».

ХСМЛ выдвигает и свою программу улучшения положения рабочего класса в рамках существующего строя. Вот эта программа:

«1. Построить примерные рабочие поселки и выработать план улучшения жизненного положения рабочих».

2. Покровительствовать общему, дополнительно и «рабочему» образованию.

3. Уничтожение чрезвычайной нищеты путем: а) уменьшения рачительности; б) выплаты самого высокого заработка, который может позволить промышленность; в) более равного участия в излишках производства.

4. Поддерживать и организовывать сотрудничество (между классами) в промышленности и в обществе через покровительство: а) экономической кооперации; б) общественному благосостоянию; в) общественной защите рабочих.

5. Покровительство фабричному законодательству для защиты жизни, здоровья и счастья рабочих.

6. Покровительство промышленной демократии (Что значит, неизвестно! — Н.).

Венцом всего этого идет задача убедить как рабочих, так и капиталистов, что они не являются врагами друг друга.

Значение ХСМЛ, судя по его отчету, лучше всего и прежде всех поняли хозяева предприятий. Например, владельцы рабочих и текстильных фабрик в Ханькоу предоставили ХСМЛ бесплатное помещение, где последние уговаривают рабочих жить мирно с хозяевами и чистить зубы. ХСМЛ надеется — и, вероятно, не без основания, — что в средствах у него недостатка не будет.

Буржуазные христианские мальчики охотно расточают комплименты по адресу студенчества: «Автократия вводилась в Китае в течение двух тысяч лет. Студенты Китая разрушили ее в 10». У христианских мальчиков, как у всей буржуазии, есть одна особенность — они хвалят революцию, но лишь революции прошлого. Революция сего дня и революция завтра есть преступление против порядка, христианства и т. д. Они хвалят студентов за их прошлую революционную деятельность. Тун-мен-гуй (предшественник Гоминдана), который был главным инструментом для свержения династии Манчжуров, главным образом состоял из студентов... Не надо забывать, что за каждой неудачной попыткой скрывалось богатство студенческого романтизма, героизма, полносердечного посвящения (?) и жертвенности. Такими были революционеры-студенты раньше, теперь же эти студенты становятся бунтовщиками и любителями легкой жизни. Пользуйтесь, как христианские мальчики рисуют современное студенческое движение: «Студентов можно разбить на три группы. Одна состоит из тех, кто посещает школу с целью иметь возмо-

жность провести хорошо время. Вторая группа из действительно серьезно мыслящих, тех, которые приходят в университет для учения. Третья группа состоит из тех, кто приходит в школу потому, что это для них вернейший путь просуществовать несколько лет. Первая и третья группа, хотя и являются меньшинством, но в общем они инициаторы всевозможных волнений и ведут за собой остальных. В результате студенческое движение возглавляется маленькой группой радикалов-студентов». Что можно сказать по поводу такого деления студентов и характеристики этих групп, кроме ссылки на залитые студенческой кровью улицы Шанхая, Пекина, Ханькоу, Учала, Кантона, Нанкина и других городов, где революционный народ вел борьбу с угнетением. Любители легкой и дешевой жизни, искатели приключений неспособны на такие подвиги и самопожертвование; они предпочитают сидеть в ХСМЛ, занимаясь изучением гигиены, гармоничным развитием тела, разумными развлечениями и прочими нескучными вещами. Задача ХСМЛ среди студенчества очень скромна: добиться, чтобы студенчество бросило революционную борьбу и занималось одной наукой. Их лозунг для студенчества таков: «Политикой можно заниматься лишь после окончания высшего учебного заведения».

Все эти «грандиозные задачи» требуют от христианских мальчиков перестройки своей организации. «Во всех наших работах, особенно религиозной, мы должны ценить качество выше, чем количество».

До сих пор ХСМЛ не являлся организацией молодежи, но, как видно, теперь и здесь поворот налево: «Молодежь сего дня станет Китаем завтра. Для церкви нет времени лучшего, чем сейчас, успешно охватить нужды молодежи... Наши попытки должны концентрироваться на молодежи — юношах и подростках. Они наиболее отзывчивы и поддаются надежде. Нет большей ошибки в нашей работе, чем небрежное отношение к ним. Наша энергия должна быть обращена больше на молодежь, чем на взрослых». Так происходит «омоложение» ХСМЛ.

Вот наиболее интересные места из второй книги, определяющей политику ХСМЛ в свете новой обстановки. ХСМЛ делает свое дело. Одного не учитывает ХСМЛ, что время изменилось настолько, что им уже не удастся дурачить китайский народ. Развитие революционного движения масс окончательно уберет с политической сцены таких агентов буржуазии, каким являются ХСМЛ.

Н. Насонов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Москва, Новая площадь, 6.

НОВЫЕ КНИГИ:

Комсомол на переломе. Сборник статей Н. Бухарина, Н. Чаплина, А. Мильчакова, Д. Ханина, и др. 189 стр. Ц. 75 к.

Мильчаков, А. — Комсомол в борьбе за культурный быт. 72 стр. Ц. 30 к.

СЕРИЯ „ЗА ЕДИНСТВО ВКП“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ярославский, Е. — «Рабочая Правда», «Рабочая Группа», «Рабочая Оппозиция». 2-ое изд. 80 стр. Ц. 30 к.

Шацкин, Л. — Германские союзники оппозиционного блока. 51 стр. Ц. 25 к.

Фейгин, В. — Оппозиционный блок и идеология ликвидаторства. Под ред. А. Слепкова. 48 стр. Ц. 25 к.

Розенталь, К. — Как партия проводит индустриализацию СССР. Под ред. А. Слепкова. 54 стр. Ц. 25 к.

Колоколкин, В. — Социальные корни оппозиционного блока. Об источниках социал-демократических уклонов от ленинизма. Под ред. А. Слепкова. 96 стр. Ц. 40 к.

Григоров, Г. и Шкотов, С. — Старый и новый быт. С предисловием А. В. Луначарского.

Содержание: Предисловие А. В. Луначарского. I.—Вопрос изучения быта. II.—Быт буржуазного общества. III.—Быт переходного периода. IV.—Революция и быт молодежи. V.—Существует ли пролетарская этика. VI.—О „любви“ и браке. Заключение. 181 стр. Ц. 1 р.

Комсомольский быт. Сборник. Составил И. Разин. С предисловием Е. Ярославского. В сборник входят статьи: В. И. Ленина, Н. Бухарина, Е. Ярославского, Л. Троцкого, Е. Преображенского, А. Луначарского, С. Смидовича, А. Солнца. и друг 360 стр. Ц. 2 руб.

КТО НЕ ВОЗОБНОВИЛ ПОДПИСКУ НА 1927 ГОД?

ВСЕ АКТИВ ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ
РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ

„ЮНЫЙ КОММУНИСТ“

Двухнедельный орган ЦК ВЛКСМ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 г.
ЗНАЧИТЕЛЬНО СНИЖЕНА

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — старейший орган комсомола, существующий с 1918 года.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — центральный теоретико-политический журнал союза.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — освещает все важнейшие вопросы политической, экономической и культурной жизни страны.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — под углом зрения ленинизма освещает все теоретические вопросы строительства социализма в одной стране.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — помещает теоретические статьи по вопросам коммунистического движения молодежи.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — дает обобщающий материал по практике комсомольской работы.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — имеет специальный дискуссионный отдел, в котором обсуждаются все спорные вопросы жизни и работы Союза.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — должен читать каждый активный работник союза.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ — должна выписывать каждая ячейка комсомола.

В журнале принимают участие:

Н. Бухарин, Ем. Ярославский, С. Смидович, П. Лепешинский, А. Слепков, Г. Марецкий, Зонтер, М. Зеликман, Я. Рубинштейн, Цифринович, Г. Радыгин, П. Рыбаков, Д. Ласкин, К. Гребенев, К. Розенталь, Ан. Троицкий, Н. Чаплин, А. Мильчаков, Д. Ханин, Т. Костров, Л. Шацкий, В. Фейгин, Л. Глазов, М. Рафаил, С. Шор, В. Ермилов, Г. Левгур, В. Розин, В. Кузьмин, Г. Ярцев, В. Дмитриев, А. Шохин, Н. Слепнев, В. Слепков, Милан, Ипполит, Иг. Малаев, Тур и многие другие.

1 мес.—65 к., 3 м.—1 р. 90 к., 6 м.—3 р. 70 к.,
9 м.—5 р. 60 к., 12 м.—7 р. 20 к. Розница—35 к.

Приложения: Стенографический отчет всех съездов комсомола (кроме 6-го)—6 р. «Дискуссия в комсомоле»—1 р. 30 к., «Каким должен быть коммунист»—35 коп.

ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО:

В МОСКВЕ:

В Главн. Конторе Изд-ва «Молодая Гвардия» Новая пл., д. 6/8, через уполномоченных «Рабочей Газеты» и через письменосцев.

В ПРОВИНЦИИ:

Во всех отделениях Издательства «Молодая Гвардия», во всех отделениях центральных газет и во всех почтовых отделениях СССР.